

МАКС ОСТРОГИН

INFERNO

икра будущего

Inferno

Макс Острогин

Икра будущего

«ЭКСМО»

2011

Острогин М.

Икра будущего / М. Острогин — «Эксмо», 2011 — (Inferno)

ISBN 978-5-699-49289-3

Дэв прошел сквозь огонь, прошел ледяную пустыню вымершего города, тоннель, кишущий адскими созданиями – и вот он у цели. Совсем немного осталось, чтобы дойти до Установки, запустившей Апокалипсис. И, может быть, тогда у людей появится шанс выжить на родной планете, над которой теперь светит злое солнце мира INFERNO. Дойти и нажать на кнопку. Все просто. Но поверхность ошибок не прощает. Там надо быть всегда наготове...

ISBN 978-5-699-49289-3

© Острогин М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Макс Острогин

Икра будущего

Глава 1

Маша хочет каши

– Вот, – Егор положил на стол лопату. – Все, что удалось найти.

Я потрогал ухо.

– Это заразно, – сказала Алиса. – Я так и знала. Теперь мы все вымерем от глупости. Меня предупреждали, что это заразно, но я не прислушалась, я очень доверчивая девушка... Прыщ, а ты не заметил, что она пластмассовая?

– Других не было, – сварливо ответил Егор. – Пять этажей обыскал, только это...

Я взял лопату. На самом деле пластмассовая. Ручка розовая, а совок синий.

Или не синий... Зрение продолжало гулять, иногда совершенно вдруг погружая мир в черно-белую глухоту, иногда всплывая в привычную норму и совсем уж иногда разукрашивая предметы необычно яркими и жгучими расцветками. Сейчас, кажется, норма, совок все-таки синий...

Лопатка.

Небольших размеров, игрушечная, наверное. Бесплезная вещь. С точки зрения нашего дня – что ей откопаешь? Разве что сахар в чае размешать, хотя тоже не пригодится, нет ни чая, ни сахара, кончились. Бестолковая вещь. Хотя... Надо учиться смотреть на реальность с точки зрения вечности, тогда бессмысленность отступает и у игрушечной лопаты обнаруживается огромная польза. Ею дети играют. Ею строят песочные города, крепости из снега, загружают гравий в пластмассовые самосвалы, бьют по голове обнаглевшего ровесника, и эти занятия оправдывают на первый взгляд пустое лопатное существование.

Вообще, в нашей ситуации любая лопата ничтожна. Куда прокапываться? Как прокапываться?

– А ложек там не нашлось? – поинтересовалась Алиса.

– Каких? – не понял Егор.

– Столовых. Ложка – такая кругленькая, с ручкой. А еще лучше чайных. Мы бы ими стали копать. Подумаешь, полкилометра, подумаешь, километр, подумаешь, не знаем, в какую сторону, сил у нас хоть отбавляй! Поздравляю тебя, Рыбинск, ты воспитал достойного премника. Ученик превзошел учителя, ура. Дело твое не пропадет, идиотизм будет распространяться и дальше, радуйся...

Алиса сделала паузу, дыхания набрать, продолжила:

– Рыбинск, ты вот как считаешь, идиотизм – это врожденное или заразное? Мне кажется, что врожденное, но, глядя на вас обоих, я начинаю в этом сомневаться. Возможно, это все-таки инфекция, все, кто дышит одним с вами воздухом, просто обречены на неминуемое поглупение. Вот мне все время хочется спать, вероятно, это оттого, что я заразилась, говорят, что все гении спят мало, а думают много, а мне все время спать хочется...

Алиса поднялась из-за стола, отправилась в угол, стала зарываться в ковры и газеты. Она много спит, это правда. Пусть спит, не надо организму мешать.

– Других лопат нет, – сказал Егор. – Откуда тут лопатам взяться, люди без лопат жили раньше.

– В машинах надо было смотреть, – сказала Алиса. – Лучше в грузовиках.

Это она правильно. В багажниках часто лопаты находились, точно.

– А что ж ты раньше-то не сказала? – обиженно спросил Егор. – До снега?

– А меня никто не спрашивал. Тут же у нас есть командир...

Алиса кивнула в мою сторону.

– Вот пусть он за нас и думает, он у нас вообще, гораздый. Для него лопата не проблема, у них в Рыбинске с лопатой на свет появляются. Рождается такой маленький, зелененький, а папка ему раз – и сразу лопату дарит. И говорит, вот тебе лопата, а вот весь мир, иди, завоевывай.

Егор поглядел на меня.

– Она шутница большая, я тебя предупреждал.

– Да... А что теперь делать?

– Не переживай, – успокоила Алиса. – Наш Дэв что-нибудь придумает.

– Что тут придумаешь... – махнул рукой Егор. – Уже по третий этаж засыпало. Я говорил, что надо быстрее идти, быстрее! Как снег начался, так сразу понятно было, что это все неспроста! Никогда такого снега не видел! Я говорил – давайте пойдем, поспешим, вы же сами не хотели! Сейчас бы в слоне уже сидели...

– Нас в твоём слоне уже завалило бы, – ответил я. – Погребло с тормашками, раздавило бы. Радуйся, что мы заблудились.

– Заблудились... – хмыкнула Алиса. – Радуйся... Нас скоро засыплет, чему радоваться?! Сколько здесь этажей?

– Девять, – ответил Егор.

– А засыпано три? Ну что же, у нас еще куча времени, можно не поторапливаться. Только жрать нечего. От вашей червивой лапши меня тошнит, если честно. Да и кончилась она уже! Только не надо предлагать мне крыс, я не из Рыбинска, я лучше с голода сдохну...

Крысы. Если бы... Никаких крыс, я проверял подвал. Крысы не дуры – давно сбежали. Из всех одна Чапа осталась. Она, кстати, не похудела совсем, жрет проводку с большим вдохновением. Егор, глядя на это, тоже пробовал, не понравилось, а Алиса смеялась.

Голод – это серьезно. Мы сидим здесь шестой, кажется, день и почти все уже съели. Потому что в первый день метели слишком обожрались, подмели почти половину припасов. Сгоряча, не подумав. До слона рукой подать, припасы не берегли... На следующее утро первый этаж оказался завален, и выбраться было уже нельзя. Я рассчитывал, что снегопад прекратится – первый снег никогда не ложится надолго, за ним всегда следует оттепель. Только оттепели не

случилось. Снег не прекращался, напротив, становился все гуще, и ветер сильнее, приходилось ждать.

Я чувствовал себя лучше. Раны на ноге подсыхали, ухо тоже, ничего, жить можно.

Я отдохнул, руки почти не дрожали... Еще бы пожрать хорошенько...

Мы спрятались от непогоды в старом девятиэтажном доме. Дом оказался разграблен, никакой провизии, зато много мебели, использовали ее как дрова. А на первом этаже книжный магазин. Большой, умеренно разворованный. Конечно, полезного там мало осталось, в основном альбомы с разными художниками. А книжную мнучую самую востребованную бумагу давно использовали, она и мягкая, и горит лучше, белым чистым огнем. Раз в день быстро спускались в книжный, обследовали полки. И почитать, и для хозяйства. Я всегда брал наугад, так интереснее, Егор доставал для Алисы тяжеленные альбомы, таскал их наверх, кряхтя и отплеиваясь, Алиса их листала в задумчивости.

В книжном уж слишком холодно, долго не просидишь, на верхних этажах теплее, хотя все равно морозняка. Стекол в большинстве квартир не сохранилось, по комнатам гулял ветер, и мы сидели в гостиной, где отсутствовали окна. Накидали на пол ковров, на стены тоже, ковры оказались синтетические, и моль за прошедшие годы их не сожрала. Довольно теплые. С утра мы плавил снег, пили чай, дожевывали лапшу. Молчали, потом отправлялись бродить по дому, искать полезное, от подвала до чердака.

Так проходили дни.

Вроде бы на пятый я вспомнил про диван. Только на пятый, время зимой замедлилось, почти остановилось, застыло, как смола, голод тоже способствовал его тягучести.

– На седьмом этаже диван, – сказал я.

– И что? – спросила Алиса. – Он волшебный? Мы на нем перенесемся в мир до катастрофы? Или в грядущее без уродов?

– Он кожаный. Если сунуть его на улицу, то лак на коже потрескается и ее можно попробовать сварить...

Алиса обидно рассмеялась.

– Приятно чувствовать себя в старой компании, – сказала она. – Пожиратели диванов, запекатели блох, сушильщики червей, вы милые люди, люди. Не, вы как хотите, а диван я есть не буду. Ни вымоченный, ни вымороженный, сами ешьте, без меня. Жертвую.

Я поглядел на Егора. Особого неприятия, судя по его лицу, идея с диваном не вызывала. Можно попробовать. Хотя сам я не очень уверен – дивану за сотню лет где-то, скорее всего все питательные вещества давно выветрились. Но все равно ничего другого нет.

– Пойдешь?

Егор кивнул.

Открыли дверь, вышли на площадку. Я свернул факел из обоев и занавесок, двинулись вперед. Карбидку не зажигал, берег, кто знает...

– Такого снегопада никогда не было, – сказал Егор. – Я не помню. Снега всегда очень мало выпадало, мороз вместо него. Сугробы выше роста не наметало.

– Поэтому так и получилось. Мало, мало, а потом сразу много. Неудивительно.

– Почему неудивительно?

– Последние дни, – сказал я. – Сначала эти смерчи, потом засуха и землетрясения. Теперь вот снег и мороз. А когда все это растает, будет потоп. И железная саранча какая-нибудь. Все по порядку, пока совсем ничего не останется. И никого. Помнишь, этот ученый, Гейнц? Слишком дерзкий был. Хотел посмотреть в глаза Господа. Вот и посмотрел... Знаешь, я вот не очень люблю, когда мне в глаза пялятся, злюсь от этого очень. Так что это Гнев. И знак – если не перестанете подглядывать – хуже будет. Нам стоит поторопиться к этой самой кнопке.

– Как? Мы даже не знаем, где находимся...

Это точно. Город здорово перетряхнуло, улицы сместились, дома попадали, ориентиров почти не осталось. Потом снег, неожиданно обильный... Спрятались в первой попавшейся девятиэтажке, думали отсидеться. Когда я догадался посмотреть улицу и номер дома, снег поднялся выше второго этажа. Заблудились.

– Мы в ловушке, – вздохнул Егор.

Он прав. Я впервые столкнулся с подобным. Зима, конечно, не самое приятное время года, холодно, частенько голодно, колени затекают, и клопы грызут безжалостнейше, весной, когда на поверхность вылезает, вся шкура в дырках... Но зато зимой спокойно. Погань засыпает, мир останавливается, есть время подумать, наточить ножи, налить пуль...

Сейчас времени нет. Мы не замерзнем – можно заворачиваться в ковры и жечь мебель, мы умрем с голода. Через пару месяцев.

Бежать некуда.

Подвал. Вчера сам спускался, осматривал. Сухо, воды нет, бетон, трубы, старые койки, пустые бутылки. Ничего интересного. Никакого выхода, даже если расковырять пол.

Чердак. Его обследовали с Егором, с утра. И тоже бестолково: трубы, бутылки, кирпичи. Костей много, то ли крысы, то ли голуби, сейчас уж не разберешь, давно истлели.

Попробовали на крышу выбраться, но не получилось, люки были прижаты снегом. Да и незачем, что там на крыше интересного?

Никуда.

И мыслей никаких.

– Куда пойдем? – спросил Егор.

– К дивану.

Отправились на седьмой.

Егор кряхтел и стонал, я знал, о чем он кряхтит, – о слоне. Я думаю, что Егор был бы не против в этом слоне и помереть. В теплоте, в носках, с какао.

На седьмом четыре квартиры, двери давно выломаны, диван в самой правой.

– Я диван раньше не пробовал, – вздохнул Егор.

Я хотел ему сказать, что все когда-то случается впервые, но вспомнил, что, кажется, это я уже говорил. И не один раз.

– Диван... – морщился Егор. – Ну, не знаю...

– Они вкусные, – утешил я. – Главное, хорошенько отварить.

– Ладно, попробуем...

Диван стоял на месте, в большой комнате, у окна. Обширный, черный, пухлый.

– Хороший... – вздохнул Егор. – Жалко...

Я без размаха ударил диван в спинку. Кожа лопнула, и наружу с каким-то неприличным нетерпением выскочили пружины и нечесанные волосы. Я ободрал кожу, кинул ее Егору.

– Нарезь на ремни, – велел я.

Егор принялся кромать кожу, я продолжил разбирать диван с какой-то глупой надеждой. Однажды вот так наткнулись в одной квартире на диван, правда, из красной кожи, прошлым летом. Раскромсали его и обнаружили внутри много интересного. Несколько окаменевших шоколадок и печений, железную банку с лимонадом и целую горку орехов в крепкой скорлупе. Диван стоял напротив большого телевизора, видимо, человек любил перекусывать во время просмотра передач, засыпал и ронял еду в диванную щель, в которой за долгое время скопились целые запасы. Мы угощались два дня. С тех пор я частенько проверял диваны и иногда действительно встречал полезное.

– Кожа ненастоящая, – сказал Егор. – Смотри.

На обороте квадратика с буквами. Ясно, искусственная, на все диваны кожи раньше не хватало.

– Есть можно? – спросил Егор с надеждой.

– Вряд ли.

Егор бросил обшивку на пол.

Я продолжал курочить диван. Выскакивали пружины, лохмы, стружка, диван был построен накрепко, ничего внутрь не провалилось. Зато обнаружили настоящие деревянные бруски, на дрова пойдут.

– На кухне дерево стоит, – сказал Егор, – я в прошлый раз еще заметил. Может, кору погрызть...

– Иди, попробуй.

Егор отправился на кухню, я остался. Дорубил диван, стал изучать стены. Ничего. Полезного то есть. Фотографии старые, железные тарелки, картины. Окно из специального пластика, кажется, пуленепробиваемое стекло, перепачканное свалывшейся пылью. Протер и выглянул.

Не увидел ничего. Белая мгла, пелена настолько густая, что в ней терялся небесный свет – по будильнику Егора был час дня. Что же делать-то...

Ясно, что зиму не пересидеть. Она только-только началась, а сколько продолжится, непонятно, месяца четыре, нам не пережить и двух. Через снег не пройти, снег должен устояться, да и то только на снегоступах...

А их нет. И лопат нет, при наличии лопаты можно попробовать прокопаться... Никуда уже не прокопаться, поздно. Пнул батарею.

Тупик.

Загон. Ловушка. Пусть бы лучше потоп, смогли бы построить плот... А через снег пробраться ой как непросто...

Никаких мыслей не образовалось, я отвернулся от окна. Карта осталась, но пока она бесполезна, потому что точно неизвестно, где мы, собственно, находимся.

И мы не знаем, куда идти вообще. Серебристая собака это хорошо, но где она? Москва большая. Приметы есть – эта самая собака и сырный завод, найти можно. Как-то бы только сориентироваться...

Нет, мыслей никаких. Дом пустой. То есть жильцов совсем никаких, скелетов и тех нет. Раньше у всех людей имелись карточки с обозначением имени, фамилии и адреса, но здесь совсем безлюдно. Я перерыл вещи с первого до последнего этажа, ни одной карточки, ни одного документа, ничего, что бы указало на наше местоположение. Два раза уже перерыл, все равно делать нечего. Во второй раз нашел пальто, пять штук, видимо, из какой-то негорючей ткани сшиты. На меня ни одно не полезло, Алиса сказала, что лучше замерзнет, чем наденет это, Егор натянул и сделался сразу похож на сгорбленную старуху, всю жизнь питавшуюся сушеными тритонами, смешно...

– Ничего нет. – с кухни показался Егор. – Да пять раз уже проверяли... Сорок восьмая только осталась.

В сорок восьмой была хорошая дверь, голубое шершавое железо, видно, что толстое и прочное. Открывашка потерялась, кувалды нет, пробиться никак.

– Вдруг там запасы? – спросил Егор. – Не зря дверь такая.

Тоже верно. Запасы. Они нам бы сейчас совсем не повредили...

– Попробуем с соседнего балкона, – предложил я.

Егор поморщился. Я не стал с ним спорить, направился в сорок седьмую. Егор побурчал и пошагал за мной.

Балкон тянулся вдоль всего дома, делился на четыре части тонкими, в один кирпич, стенками. Ломать ленилось, поэтому я решил поступить проще, вылез наружу и, держась за толстую железную трубу, перебрался в сорок восьмую.

Балкон оказался завален мусором. Упаковкой пищевых продуктов. Пластиковыми ведерками, с неприятно обгрызенными краями, вскрытыми жестянками, металлизированной упа-

ковкой. Бутылками, как стеклянными, так и обычными. Банки квадратные из-под керосина тоже имелись, я поболтал – конечно, пустые.

Ясно. Выживатели. Подобные квартиры порой попадаются, многие наивно думают, что Последние Дни можно пересидеть. Набрать побольше еды, воды, переждать. Ни одного не видел, которому бы это удалось. Даже если запасов и хватит на всю жизнь...

Протухнет вода. Очень хорошо упакованная вода иногда тоже протухает, причем вся разом. И не просто протухает, а настоящим ядом становится – кишки через горло вылезают.

Или мыши. Сразу, в одну ночь, раз – и все сожрали. И то, что к потолку привешено, и то, что в жестяных коробках хранилось, и то, что в пластике, и даже книги сожрали, так что теперь нечем насытить ни голод телесный, ни глад духовный.

Или еще вот – запрется человек в своей берлоге, окна кирпичом заложит, все щели плавленным свинцом зальет, а на воздухозаборник фильтр хитрейший воткнет из серебряной проволоки – чтобы вредоносность всевозможная погибала. И продержится пару лет, дневник напишет, туда-сюда, а потом раз – и все, грибок. Плесень чернопалая, пролезет втихую через кирпичи, поселится в уголке и одной унылой ночью выпустит в воздух свои смертельные споры. А выживатель это заметит слишком поздно, через неделю, поглядит – а у него на ноге уже язвы гноящиеся.

Совсем спрятаться нельзя, так говорил Гомер. Человек создан для того, чтобы преодолевать этот мир, а вовсе не для того, чтобы сидеть в подземельях и молиться на лампочку и банку тушенки. Поэтому конец у всех сидельщиков всегда одинаковый.

Видимо, то же самое случилось и здесь. Грустно. Но нам может полезно оказаться. Если хозяин помер раньше, чем кончились припасы, то и нам кое-что перепадет.

Я расчистил место на балконе, дождался Егора, втащил его за шиворот.

Егор огляделся, все понял.

– Там, наверное... – он облизнулся, – сохранилось что-нибудь...

– А пушка где? – спросил я уныло.

Егор улыбнулся виновато.

– Тяжелая, – сказал он. – Я это, испугался, что она улетит, потом в снегу мы совсем ее не нашли бы...

Я тоже улыбнулся. А что еще? Бить мне его не хотелось, жалко его, человек. Мелкий еще, глупый, ладно.

– Правильно, – сказал я. – Мог бы и уронить... Держись за мной.

Я проник в квартиру. Темно, пришлось зажечь лампу.

Комната оказалась большой и неожиданно круглой. Мебели мало, высокий шкаф когда-то белого цвета, с зеркалом и золотыми ручками, кровать обширная. Тоже круглая. Посреди, под просторным пятнистым покрывалом гора.

Труп. А что еще может лежать горой под одеялом? Труп, я их сразу определяю. Они могут не пахнуть, могут быть не целиком, могут сто лет назад мумифицироваться, это все равно, труп не перепутаешь. Меня немного удивили размеры – обычно трупы у нас гораздо скромнее...

Решил посмотреть. А вдруг ошибся? И это вовсе не труп, а холм шоколада вперемешку с печеньем. Взялся за край пледа, дернул. Плед распался в мелкий прах, он смешался со снежной крошкой и пылью, повис в воздухе мутным облаком, я закашлялся.

– Ого... – прошептал Егор.

На самом деле ого. Тетка. Сохранившаяся весьма и весьма неплохо. Толстая, просто гигантская, не думал даже, что такие случались люди. Не распухшая, а именно толстая. Синего цвета, как все остальные, с круглыми руками, с ногами, похожими на обрубки сосен.

– Как она ходила-то? – спросил Егор. – С таким весом?

– Может, ползала...

– Да... Она со старых времен такая? Или...

На самом деле вопрос. Если она еще тогда умерла, то так хорошо не сохранилась бы. Значит, не совсем давно, значит, могло что-то и остаться. Надеюсь...

– А с чего она тогда померла? – спросил Егор.

– Не знаю. Давай поглядим...

Мы стали осматривать жилище. В нем оказалось несколько комнат. Ничего полезного. Даже мебели нормальной – то из пластика сделанная, то железная, свитая из нержавеющей прутьев, на дрова такую не порубишь, она вообще ни на что не годна, и не посидишь с удовольствием. Какие-то вазы длинной формы, думал, в них что-то есть, разбил две штуки, окурки только.

На кухне тоже ничего, Егор заглянул в плиту, в холодильник, нет, аккуратная пустота.

– С чего она тогда умерла все-таки? – спросил он еще раз.

– Отравилась, – сказал я. – Скорее всего. Пожрать любила. Жрала, а посуду с балкона выбрасывала, жрала и выбрасывала. Так все и слопала. А как нечего стало, отравиться решила, не захотела мучительно помирать. А может, и по-другому...

– Как?

– Может, ей повезло. Брела себе, голодная и безнадёжная, набрела на этот дом. В квартиру залезла, нашла припасы, давай жрать. Вот целую неделю и жрала с радости, а потом сердце не выдержало объедания – вот и результат.

– Разве так бывает? – не поверил Егор.

– Сколько хочешь. У нас в Рыбинске человек похоже помер. Весной дело было, пожрать нечего, пошли на старое поле...

– Куда?

– На поле. Раньше там картошка росла, потом лес поднялся, но картошка тоже осталась. Одичала, но все равно кое-где на полянках встречается, мы собираем. Пошли с утра, поле в полдень должно было встретиться, да плутанули видно, мутант замутил, крепко замутил... Я вспомнил. Тот день, весну, какое-то настроение хорошее, совсем не такое, как сейчас. Шагали по ельнику, смолу жевали. Ельник нас и подвел, ели, они все одинаковые, а день облачный выдался, солнце не очень проглядывало. Вот и пустились круги нарезать. Голодные, два дня ничего не ели, ну и еще этот день, на свежем воздухе. К картошке только к вечеру выбрали, почти перед сумерками. Много ее оказалось, видимо, осенью эту поляну пропустили. Набрали по два ведра клубней, подмороженная, правда, но ничего, есть можно. Напекли, поужинали, закопались, все как надо. А наутро один не раскопался, помер, вроде бы Федором звали. От внутреннего заворота. Проснулся он, значит, ночью от голода, помаялся и давай грызть сырую прошлогоднюю картошку. Изрядно слопал, уснул счастливый, во сне и помер, оторвалось что-то во внутренностях, захлебнулся кровью.

– Много есть – вредно, – сказал я. – Я вообще кучу народу знаю, которые через неумеренность пострадали. И почти все до смерти. Потому что...

– А почему она не сгнила? – перебил Егор. – Она это... Не бродячая случаем?

– Сходи, проверь, – посоветовал я.

Егор не стал проверять.

– Не сгнила, потому что жарко было – слишком быстро высохла, вот и все дела. Случается.

– Ясно. Ничего не нашли опять, – Егор поморщился. – Во всем доме есть нечего...

– Это нормально, – сказал я. – Ход вещей. Чем дальше мы от старых времен, тем меньше прежних вещей. Я удивляюсь, что еще хоть что-то осталось.

На самом деле тут ничего удивительного нет. Оружие, припасы, склады. Москва была центром, тут сосредотачивались все богатства. Катастрофа оказалась стремительной, куча народу погибла сразу, не успев ничего как следует разграбить – слишком всего много. К тому

же значительная часть под землей укрывалась, трудно найти. За прошедшие годы, конечно, подрастали изрядно, но все равно кое-что еще встречается.

– Пойдем отсюда, – сказал Егор. – Воняет...

Ничем здесь не воняло на самом деле, зимой вообще воняет редко. Но уходить надо, чего здесь, на самом деле, околачиваться.

– А рога съедобные? – спросил вдруг Егор.

– Что?

– Рога. На четвертом в квартире много, по всем стенам висят. Если их настрогать и сварить... Как ты думаешь?

– Вареные рога, это...

Я хотел сказать, что вареные рога по питательности не уступают вареному макинтошу, но передумал.

– Рога – это здорово, – сказал я. – Мы иногда только рогами и спасались, вот так же, в голодные зимы. Пойдешь в лес, наберешь рогов, настрогаешь хорошенько, отваришь со мхом. Перевар, называется.

– Рога в лесу? – спросил недоверчиво Егор.

– А где же еще, как не в лесу? Олени, лоси всякие сбрасывают на зиму рога.

– Зачем?

– Чтоб не мерзнуть. Рога – они ведь для охлаждения. А зачем зимой охлаждаться? Вот они и валяются, торчат из-под снега. Отваришь, навернешь – и растворение благодное внутри... Жрачка что надо, короче, почти как диван настоящий, только вкуснее. Так что нам очень, очень повезло.

Егор замолчал, размышлял, видимо, над всеми этими рогами, потом сказал:

– Там много рогов, на четвертом... Сбежать?

– Сбегай, – сказал я. – Разных только набери, вечером отварим. Алиса будет довольна, мы в прошлый раз, когда варили, она три порции слопала. Давай, дуй!

– Ага! – Егор устремился к выходу.

– Только рубить их не вздумай! – крикнул я вслед. – Испортишь все!

Егор заверил, что рога он не испортит, в прихожей лязгнул замок, Егор открыл дверь с первого раза.

Я остался один. Побродил по скучным комнатам, оторвал в углу подозрительные обои – некоторые умники обожали прятать под обоями небольшие домашние сейфы. Обычно в этих хранилищах содержались совершенно бессмысленные вещи – золотые кольца, документы, дневники, но иногда попадалось и оружие, чаще всего автоматические пистолеты. Здесь сейфа не нашлось, ну, хоть бумаги надрал, обои горят хорошо. Вернулся в большую комнату, посмотреть, что в шкафу, иногда в шкафах люди прятали интересные вещи, например, мешки с шоколадным зерном.

В этом шкафу ничего примечательного не обнаружилось, тряпье и мочалки, тряпье и... В дальнем углу блеснуло, потянулся посмотреть, и тут же мне в спину врезалась масса. Я сразу понял кто. Или что. Грузная тетка. Да, расслабился, не проверил, надо было ее сбросить с безжалостного балкона...

Мрец. То есть мречиха. Надо было ей башку оттяпать... Не ножом же пилить. Да и вообще, кто бы мог подумать...

Тетка врубила меня в заднюю стенку шкафа, шкаф не выдержал и обвалился на нас пыльными обломками. Мречиха не собиралась тянуть, выдрала меня из развалин мебели и швырнула через всю комнату. Повезло – круглость комнаты оказалась не каменной, а пенопластово мягкой. Мягкость приняла на себя удар и сыграла злую шутку – я застрял спиной в стене и с первого раза не смог вырваться.

Тетка развернулась, я навел на нее лампу.

Мречиха, точно. Килограмм двести. Ногти. Полуметровые, наверное, они свисали с пальцев грязными длинными червями, колыхались, как живые. Глаза, тут все как полагается – гнилые, черные, с красноватым отливом, без век, как у всех мрецов, глаза эти вспыхивали багровым проблеском. Волосы до пояса, черные и скомканные, волосы ведь продолжают расти еще долго, морда сквозь эти лохмы выступает рыхлым блином. Нехорошо. Умерла от обжорства, разложиться особо не успела, а последнее, что у нее в башке присутствовало, – голод.

Маша хочет каши...

Маша хочет каши, откуда я это помню?

Маша разогнала тушу могучим рывком, полетела в меня неудержимой глыбой, я успел увернуться, Маша протаранила стену.

Я выхватил нож и сразу же почувствовал, насколько это глупо, ножом с танком не справишься. Прикинул пути отступления. Через балкон раз, через дверь два. Балкон опасен – перебежишь, а Маша набросится, скovyрнусь вполне, полечу вниз головой в сугробы. Через дверь...

Дверь я открою, а закрыть не смогу. И этот бродячий дохлый слон отправится бродить по дому. Тоже ничего хорошего, встретится с Алисой, повздорят. Значит, надо разбираться.

Маша выкарабкалась из стены и, не откладывая, направилась ко мне. Молча – голосовые связки сгнили. Такое не со всеми происходит, случается, что голос сохраняется, и тогда мрецы весьма и весьма крикучи, но здесь Маша действовала молча. Растопырив руки, похожие на дохлых сомов, покачивая из стороны в сторону бюстом, издавая скрипучие морозные звуки. Наверное, она изнутри вся промерзла... Если они промерзают. Надо при случае проверить.

Я метнул нож. Попал в плечо. Лезвие вошло на всю длину, но тетка даже не заметила, взмахнула сомами, пытаясь обхватить, удавить в объятиях. Я легко увернулся, Маша оказалась неповоротливой, как и полагается при такой фигуре. Отбежал к окну.

Да уж... На самом деле да уж, я чуть не рассмеялся. За всю уже очень длинную жизнь меня убивали столько раз, что я давно сбился со счета. Правда, раньше на меня покушались твари хоть и поганые, но мощью достойные, опасные, сильные, быстрые, бороться с ними было приятно, интересно, вырывая их ядовитые когти и жала, я чувствовал радость победы. Теперь тетка.

Все мельчает, все истощается... Мельчает, хотя и увеличивается в размерах.

Да, с тетками я до этого не воевал, не приходилось. И они ко мне относились спокойно, старая Шура всегда по голове гладила, земляным орехом угощала. А эта...

Глупая история, зря мы сюда полезли, в сорок восьмую. Если бы не полезли, не пришлось бы сражаться с Машей. Надо ее как-нибудь остановить. Хорошо бы холодильник на нее уронить. Или печь. Я направился на кухню посмотреть, что можно обрушить на эту...

Маша неожиданно резво поспешила за мной, воздух запах вяленой рыбой...

Я запнулся. Споткнулся, вернее, на ровном месте, нога все еще не слушается, пытаешься опираться на полную ступню, а она уже давно не полная. Растянулся на полу. Маша прыгнула ко мне, вернее, на меня. Бум! Казалось, что дрогнул весь дом, если бы попала, наверняка раздавила бы ребра. Я закатился под кровать, во тьму, в пыль, в снег.

Маша бродила по комнате, вокруг. Забраться на кровать у нее уже мозгов не хватало – мозги ведь тоже гниют. Интересно, с чего она вдруг оттаяла? Кто-то мне говорил, что мрецы не так просты, как нам всегда казалось. Что их надо изучать, потому что внутри у них целая куча полезной информации, может, ключ к бессмертию, лекарство от всех болезней. Что они очень тянутся к человеку, жить без нас просто не могут, а то, что иногда они пытаются человека зажать, так это из-за мозговой недостаточности, любовь проявляют. И что они всегда одной температуры, одинаково прохладные и в жару, и в стужу...

Я ничего подобного о мрецах никогда не думал, я их успокаивал.

Вот и Маша, она давно соскучилась по покою, она хотела вернуться в свою постель и спать там. Без головы.

Сжечь. Прекрасный выход. Полфляги спирта осталось, жаль на Машу тратить, спирт в жизни очень и очень пригождается. С другой стороны, сидеть под кроватью унизительно, надо что-то делать. Я перевернулся на живот и пополз к другому краю кровати. Идея. Лестница скользкая, во многих местах наледи, крыша давно прохудилась, Маша устремится за мной...

Я выбрался из-под круглой кровати. Маша увидела. И кинулась. У нее уже появилась эта их мреческая походка – длинные тянущие шаги, словно на цыпочках идешь, и вместе с килограммами веса это выглядело глупо. Я заскочил на койку, пересек ее в три прыжка и оказался почти в коридоре. Маша развернулась и потянулась за мной. Я не очень торопился, старался, чтобы Маша не отстала. Выбежал на лестницу.

Маша тоже.

Наледи не понадобилось. Маша запуталась в ногах. Не думал, что ее падение будет настолько сокрушительно. Она вскинула руки, рухнула, с размаху ударившись о ступени. Туловище колыхнулось, левая рука подломилась в локте, голова выдержала – показалось, что даже ступенька сломалась, не голова.

Проехала по ним и поднялась. Нож вошел в громоздкое тело, из спины не показался, но Маша этого и не заметила. Она поднялась и снова рванула за мной.

Я спешил вниз, Маша тоже поторапливалась и, конечно, запнулась еще раз. В этот раз она издала какой-то звук.

– Ох.

Почти по-человечески.

Несколько ступеней, и она ударилась о каждую, головой. Во всяком случае, когда она все-таки поднялась, голова у нее была не очень круглая и однородная. Но трупная Маша держалась, они упертые, эти мрецы, как что-то в башку вобьется, так только пулей выбьется. Перила в этом месте были не очень крепкие, проржавевшие совершенно, и я подумал, что можно столкнуть Машу вниз, пусть до первого этажа прогуляется. Перила ее не выдюжат – и полетит вниз с задумчивым свистом, а там шмяк, тело раздавит само себя.

Однако я почему-то ее не толкнул. Хотя и мог.

– Ох, – сказала Маша еще раз.

И остановилась, привалившись к стене. Вдруг. Только что она хотела меня загрызть, разорвать на кусочки и вообще уничтожить, и вот остановилась. Замерла, осталась стоять, помятая, погребенная сама в себе.

Я хотел вытащить нож, но подумал, что Маша может очнуться, так без ножа и остался.

Какое-то у меня странное настроение, наверное, от холода. Первый раз в жизни пожалел мреца. Точно, от холода. Мозг состоит из воды, она подмерзает, мозг не движется, все понятно.

Я спускался по лесенке мелкими шагами. Навстречу Егор. Торопился. В фигуре у него присутствовало что-то странное и нечеловеческое, я выхватил его лучом и обнаружил, что из-за спины Егора торчат многочисленные рога. Жизнь приобретала дурацкий вкус и размер. Ничего удивительного. Одинаковость не может тянуться бесконечно, не может быть все время страшно, случается и смешно. И глупо.

– Собрал. – Егор потряс рогами. – Там еще осталось много...

– Они хоть настоящие? – спросил я.

– Вроде. Крепкие.

Егор постучал рогами о стену.

– Крепость – не признак настоящих рогов, – изрек я. – Ладно, пойдем к Алиске, она в рогах разбирается.

– А ты это... – Егор посветил вверх. – Тетку прибил, что ли?

– Нет, – честно ответил я. – Она сама себя убила.

– Ага, понятно. Я это к тому... Я же там в сорок седьмой двустволку китайскую оставил...

– Ну, сходи.

– Да мне неудобно, – Егор встряхнул рогами. – Цепляются, заразы, скользко... Рога мешают.

– Понятно. Хорошо, сам схожу.

Я развернулся, и тут зазвенел будильник, громко и как-то неопрятно, отражаясь обрывками звуков от стен, Егор заругался, принялся стучать себя по боку, стараясь прибить строптивый механизм. Забавно, точно в кармане у него сидела беспокойная дребезжалка, робот, созданный для того, чтобы мелко пакостить своим хозяевам, кажется, раньше такие делали.

– Да ладно, – сказал я. – Пусть звенит, мне нравится. Хорошо.

– Мне тоже. Алиса просто нервничает. Она... Как ты думаешь, китайцы ее совсем вылечили? До конца?

– Похоже на то. Помнишь, как она палец позавчера порезала? До сих пор не зажило... А раньше... Китайцы в таких заболеваниях разбираются, можешь поверить.

– Да, точно... Значит, она теперь совсем нормальная?

Я пожал плечами.

– Алиса? Совсем нормальная? Это, братишка, не про Алису. Она... Сумасшедшая. Не безумная, нет, просто сумасшедшая, непредсказуемая. Она и так непредсказуемая, а после всего...

Она ведь всех убила. Всю свою семью. Такое бесследно не проходит. Такое...

Мне очень хотелось спросить – помнит ли она хоть что-нибудь. Пару раз даже уже почти спросил... Вовремя передумал. Кто его знает, что там у ней в голове, зачем ворошить... Это ведь страшно, жить с такой ношей. Пусть она сама и не виновата, но все равно.

Она плачет, я иногда слышу. По ночам.

– Ты смотри, не напусти ей вдруг, – сказал я. – Про все.

– Я что, дурак?

– Мало ли. Пусть забывает, это даже лучше. Я бы хотел вообще все забыть.

– А я нет.

– Твое дело. Алису не дергай, но...

– Что «но»?

– Ничего. Просто...

Слишком она... Ровная, что ли. Шутки, старается держаться, старается быть веселой. А это трудно, очень трудно. Легко сорваться. А мне бы не хотелось, чтобы Алиса сорвалась. Пусть лучше спокойная остается.

– Просто надо за ней приглядывать... Ладно, жди здесь.

Я пошлепал вверх. Мимо Маши проходить было страшно, казалось, что вот-вот она что-то скажет. Я не боялся того, что она сейчас на меня кинется, не боялся нападения, а вот того, что заговорит, боялся. Вот заговорит – и что с ней после этого делать?

Но Маша промолчала, проявила милосердие, а скорее всего, обратно впала в смерть. Летом, наверное, разморозится, пойдет бродить...

Отрубить ей башку я почему-то не мог, осторожно протиснулся мимо. Нашел на балконе двустовку. Снег валился непробиваемой стеной, ветер пытался закрутить его в вихри, не получалось, снежинки слеплялись в комки прямо в воздухе и падали вниз с приглушенным чавкающим звуком. Первый раз такое видел. А если они начнут слепляться в шары еще наверху? И по пути к земле станут только увеличиваться в размерах! Я представил – падают огромные, как шары для снеговика, снежинки, смерзшиеся и быстрые, и земля дрожит от великанского града.

Неба не видно. Давно его уже не видал, мы оказались точно внутри стеклянного шара, изображающего зиму, вязкий воздух и непрекращающийся снег, оттого, что кто-то без конца трясет и трясет этот шар, город, построенный внутри, уже давно обрушился, и зима уже устала, но хозяин шара продолжает и продолжает его трясти с безумным упрямством, с непонятной настойчивостью.

А может, его и нет, неба. Наша Земля сорвалась со своей оси и несется в космос, остывая с каждым часом, и нет теперь синевы, и солнца, а только звезды светят, а от звезд какой свет?

Возвращаясь, подумал про карточку. У Маши вполне могла быть карточка, если поискать... Представил, как буду обыскивать... Нет, эта дура наверняка давным-давно ее потеряла, точно, потеряла...

А вообще, думать надо меньше, так учил Гомер.

– Ну? – спросил меня Егор.

Я достал из-за плеча двустволку.

– Ага... Слушай, как ты считаешь...

Егор кивнул на Машу.

– Ты правильно ее... Не добил. Вдруг они выздоровеют, а?

– Вдруг. А тебе-то какой в дохлятине прок?

– Мне? Да никакого... интересно. Если все начнет налаживаться, то, может, и они тоже...

Излечатся?

– Может – мое любимое слово, – ответил я.

– Ну да... Папка говорил, что все как раньше сделается. Все восстановится. Или китайцы нам помогут, представь, благодать какая...

– Благодать – это совсем другое, – перебил я. – Тут китайцы совсем ни при чем. И я в нее вообще-то слабо верю... теперь... Пойдем, что ли, к Алисе?

Но Егор уже развернулся и направился вниз, держась рукой за покачивающиеся перила и чиркая рогами по стене, рога издавали печальный звук.

Спустились к Алисе. Она сидела возле костра в гнезде, свернутом из ковров и одеял, наружу торчали лицо и руки, Алиса варила воду в железной кружке, грела пальцы в теплом пару. Увидела нас, хрустнула шеей и сразу сказала:

– Прыщельга, а в твоём магазине подземном ласты есть?

– Как?

– Ласты. Знаешь, что такое ласты?

– Нет.

– Жаль.

Алиса выбралась из берлоги.

– Ласты – это в чем-то наше будущее, – сказала она. – Вы, кстати, пожрать раздобыли? Кабанчика там, или зубра? Как я велела?

– Нет, какие сейчас кабанчики... – со скукой ответил Егор. – Времена уже не те, сама понимаешь... Я это...

– Что это у тебя там? А? Ветвится что-то... Вы вообще что-нибудь полезное нашли?

– Нашли, – улыбнулся Егор, и в этой улыбке играло торжество. – То есть очень полезное, просто... Просто чудо! Вот!

Егор с видом победителя достал из-за спины охапку мерзлых рогов и торжествующе сгрудил их к ногам Алисы.

– Что это значит? – поинтересовалась та осторожно, видимо, как-то ее рога смутили.

– Рога, – пояснил Егор.

«Рога» он произнес так, будто это были не рога, а по крайней мере олений окорок.

– Рога... – сказала Алиса, задумчиво прикусив губу. – Рога – это... рога. Символ изобилия.

Алиса пошевелила бровями. Посмотрела на меня, я пребывал в невозмутимости.

– И что вы собираетесь с этими рогами предпринимать? – осведомилась Алиса.

– Варить, – чистосердечно ответил Егор.

Я думал, что сейчас Алиса рассмеется, но она удержалась.

– Варить... – покивала Алиса. – Это интересно... То есть правильно, рога и нужно варить. Потому что тот, кто питается вареными рогами... его изобилие преследует.

– Дэв говорит, что их надо целиком варить, а я вот думаю – как? Они же не влезут.

Алиса поглядела на меня пристальней.

– Нужен большой котел, – сказал Егор.

– Мне кажется, рога надо порубить. От этого их вкусовые качества не очень изменятся.

– Да? – спросил у меня Егор.

Я кивнул.

Егор начал с воодушевлением рубить рога. Я устроился напротив Алисы.

– Нам удивительно повезло, – сказала Алиса. – Рога – это... просто счастье какое-то. А на вкус...

Алиса закатила глаза.

– На вкус, как мясо. Почти...

– Перевар называется, – сообщил Егор.

– Да, да, перевар, как же... Помню, мы этот перевар ведрами ели. Ну что ж, давайте попробуем. Воды я наплавила, ты теперь давай рога туши...

Егор нарубил полведра рогов, засыпал их в котел, стал варить. Мы собрались вокруг огня. Было как-то спокойно и тепло, воздух в помещении немного прогрелся, и мне, конечно, хотелось спать. Алиса пустилась рассказывать историю про то, как один человек, не помнит, как его звали, так вот, он тоже очень любил рога. Но он их не только варил, он приготавливал из них разнообразные снадобья, значительно продлевающие жизнь. Рога он толлок и настаивал на собственной моче, пил, втирал. От регулярного употребления рогов у него очень укрепились ногти и удлинились еще, в результате чего он приобрел повышенные показатели в лазанье по деревьям и стенам домов...

Рога варились, распространяя вокруг необычный запах, порой Егор помешивал их принесенным с кухни черпаком и бурчал животом в предвкушении.

А Алиса все рассказывала о своих прежних знакомых, увлекавшихся рогами опять же как в сыром, так и в вареном виде, и рассказывала, к чему эти увлечения привели. Егор спрашивал Алису о чем-то, ходил за дровами и меня тоже спрашивал, но я не слышал, проваливался в сон, сегодняшней день вымотал меня, утомил и обескровил, голова работала плохо, и начинало мерещиться, и рога вертелись у меня перед глазами, и сами по себе, и само слово, точно нарисованное в воздухе, оранжевыми буквами...

– Эй! – Алиса ткнула меня в бок. – Рыбинск, просыпайся, ужинать пора!

– Что? – спросил я.

– Сварилось. Рога размякли.

Я не успел еще очухаться, как Алиса сунула мне в руки миску с рублеными рогами. Я хорошенько проморгался и обнаружил, что и у Алисы, и у Егора в руках миски уже имеются.

– Давайте поедим, – сказала Алиса с определенной торжественностью.

С удовольствием понюхала свою миску и подмигнула Егору.

– Мне кажется, первым должен попробовать это блюдо Егор, – сказала Алиса. – Повар всегда получает самое вкусное. Давай, Егор.

– А как есть? – Егор с интересом поглядел на рога.

– Ну, в наших обстоятельствах, я думаю, можно оставить щепетильность – ешь руками.

Поторопись, а то они затвердеют.

– А они мягкие?

– Два часа варились. Бульон почти застыл. Наваристый!

Я осторожно потрогал жидкость пальцем. Действительно, густой. Наверное, как холодец, рога – они ведь тоже кости. А вдруг на самом деле можно есть? Вот смешно будет...

– Давай! – подначивала Егора Алиса. – Давай, а то остынет!

Егор смешно пошевелил ушами, затем достал из миски кусок рога, сунул в рот, сжал зубами.

Послышался громкий хруст.

– Гляди-ка, раскусил! – с детским восторгом воскликнула Алиса.

Егор выплюнул на пол раскушенный рог и вместе с ним несколько осколков зубов, но зубы уже не на пол, а в ладонь.

– Вкусно? – проникновенно спросила Алиса.

Егор отрицательно помотал головой.

Алиса тоже помотала головой.

– Значит, невкусно, – сказала она. – Не проварились, наверное, всего два часа.

Егор улыбнулся. Зубов не хватало. От голода зубы разболтались и истончились, сломались легко, выпали легко, зря мы, наверное, это, совсем зря, без зубов человеку тяжело, почти невыносимо, зубы у нас нужны отменные, никто тебе кашу варить не станет...

Я даже свои потрогал, зубы далеко не все целы.

– А вообще ничего. – Егор вытащил из глубины рта еще один обломок, то ли желтый, то ли белый, и снова спрятал в ладонь.

Я засмеялся. От души, громко, немного стучаясь головой о соседнюю дверь. Наверное, я так не смеялся года полтора, может, больше.

Алиса тоже засмеялась.

Егор не удержался и стал смеяться с нами, одному ведь всегда скучно. Крыса Чапа с интересом высунула голову из ковров.

– Недоварились, конечно... – Егор извлек из рюкзака пластиковый пузырек, отщелкнул крышку.

Стал сыпать в пузырек зубы. Я тоже собирал в детстве, не знаю, зачем собирал, у нас многие собирали. Какое-то поверье старое, в чем смысл его, никто не помнил, но собирали. Потом мои зубы куда-то делись.

– Значит, не судьба, – развела руками Алиса. – Ничего, в следующий раз повезет, это точно.

Егор закашлялся, сильно, по-стариковски, лицо покраснело, и глаза несколько выставились, Алиса поставила миску с вареными рогами на голову глиняной собаки, протянула руку и стукнула Егора по спине кулаком, четыре раза, с промозглым звуком. На четвертый раз Егор кашлянул и выпустил еще один зуб, видимо застрявший в горле, на ладонь, вместе с кровью, и это почему-то было уже не смешно.

– Зачем вы так? – спросил он растерянно, с заметными искажениями речи. – Зачем?

Алиса явно хотела пошутить, но у нее почему-то не получилось.

Глава 2

Синдром подземной усталости

– Нет... Я почему-то в этом не сомневалась. Я слышала, смерть от замерзания одна из самых приятных

– Мы выберемся, – чересчур бодро сказал Егор. – У меня предчувствия.

– Давайте проверим, что осталось, – предложил я. – Чтобы определиться.

Алиса хмыкнула, но ничего по поводу определения не сказала, вылезла из ковра. Егор вздохнул, достал рюкзак. Собрались вокруг стола.

– Прошу, – я кивнул. – Начнем с оружия.

Егор положил на стол китайский двуствольный дробовик. Нож. Граната. Несколько патронов. Алиса сказала, что у нее вообще ничего нет, кроме перочинного ножа, да и тот кривой. На самом деле кривой и ржавый.

У меня остался нож. Не перочинный, нормальный, но все равно. Мало. Второй торчал в мречихе, но доставать его я не собирался.

– Отлично, – зевнула Алиса. – Вооружены прекрасно, можно войну начинать. Первая хорошая новость.

Еда. Полторы пачки китайской лапши, две банки с непонятными консервами, без надписей совершенно. Но внутри что-то умеренно жидкое. Сухарь, большой, размером с книжку, наверное, Егор его из своего подземного магазина прихватил, пряник вроде бы. Все.

– Вторая хорошая новость, – провозгласила Алиса.

Прочие припасы.

Их тоже оказалось негусто. Огниво, котелок, ножницы, свисток, ложки, противогаз без фильтра, запасные носки и другая не особенно полезная дребедень, пластмассовые солдатики, шашки, карбидка.

Я взял свисток, сел на стул.

Алиса принялась перебирать солдатиков. Егор поглядывал на пряник. Интересно, почему он его раньше не слопал? Совесть не позволила. Это мне в Егоре нравится, совесть, нравственные основы, всякое прочее, когда все наладится, мы его сделаем наставником – пусть воспитывает хороших людей.

Алиса выставила солдатиков в шеренгу, стала ронять щелчками в лоб.

– Надо снегоступы сделать, – сказал я.

Алиса хихикнула.

– Сделай лучше говноступы, – посоветовала она. – И мы безо всякого видимого ущерба пройдем над говнами, разверзшимися под нашими ногами.

Егор тоже подобострастно хихикнул.

– Прыщельга, ты в шашки играть умеешь?

– Умею, – неосторожно ответил Егор.

– Давай играть. Поделим пряник на доли и станем на них играть. А?

– Ну, давай попробуем...

– Не играй с ней, – посоветовал я.

– Вали отсюда! – рыкнула на меня Алиса. – Не мешай людям развлекаться!

Ругаться не хотелось. Я взял нож и удалился. Поднялся на самый верх, в одной из квартир мебели было очень много, я решил начать с нее.

Первым убил кресло. Кожа тонкая, расходилась легко, я вырезал несколько длинных полос, сплел из них тройную косичку. Не очень длинную, метра в полтора. Перекинул ее через люстру, повис. Крепкая. Особой прочности тут не требуется, но она и не помешает. Кожаной

мебели из ненастоящей кожи здесь полно, можно сплести веревку. И шторы еще, и проводка в стенах.

Теперь снегоступы. В снегоступах я не очень хорошо разбирался, зимой мы передвигались мало, предпочитали подземный образ жизни. Но примерно представлял, как они должны выглядеть – разлапистые штуковины, как ракетки для пинг-понга, только больше. Надо найти круглую основу, остальное можно тоже вполне из кожи сплести.

Основу нашел на седьмом. Жалюзи между комнатами. Сделанные из тонких и коленчатых палочек. Палочки оказались легкими и гнучими, вырвал из стены электропровод и довольно быстро соорудил короткую и широкую лыжу. Переплел кожаными ремешками. Получилось коряво, но зато легко, прочно и просто. Мне понравилось мастерить, я устроился поудобнее в углу, развел для тепла небольшой костерок и принялся за работу.

Закончил часа через четыре. Три пары снегоступов, с виду вполне ничего, остается только испытать.

Спустился до четвертого этажа. Снег лежал под окнами, падал крупными тяжелыми комками, рассыпавшимися в молочный прах, закручивался ветром в мутные знаки. Солнце через снег почти совсем не проникало, в мире воцарились сумерки, тяжелые и непроходимые. Я перевесился через подоконник.

Опасно. Снег – непредсказуемая стихия, а вдруг этот провальчивый? Наступишь – и ухнешь в яму, и выбраться уже не получится, через минуту заметет и не останется и следа, кричи не кричи. Все равно по-другому никак нельзя проверить, я выдохнул и отпустился.

Провалился немного, всего по колено. Снег сжался под ногами, спружинил с хрустом. Сделал шаг, затем другой, конечно, не очень удобно – каждым движением проваливаться, ногу приходится почти выдирать, но все равно ходить можно. На пятом шагу провалился правой ногой чуть больше, сразу повело, взмахнул руками, понял, что равновесие не удержать, и послушно упал лицом в снег.

За спиной тут же сошлась белая стена, я почувствовал это и постарался упасть как можно ровнее, ногами в сторону дома, все просто, чтобы не потерять направление. Снег забился в глаза, в нос и в уши, даже в рот, зубы заломило, я попробовал опереться на руки, провалился. Попробовал еще раз, провалился снова, снег оказался коварных качеств, легкий, сыпучий, но при этом повышенной мягкости, я увяз в нем еще глубже, подняться на колени не удалось, застрял головой, неудачно вдохнул, в горло ворвался мороз, я закашлялся и едва не задохнулся.

Дернулся, рывком выбрался из холода.

Ресницы смерзлись, я с усилием раскрыл глаза. Снег. Лип к лицу и не таял, налипал тонкой коркой, я не видел ничего дальше метра. Руки начали коченеть, я решил перевернуться, и это стало ошибкой. Сесть не получилось, я увяз, попробовал еще, бесполезно.

Вокруг меня намело изрядный холмик, и я вдруг с какой-то веселостью подумал, что могу умереть. Вот так, глупо. Пять шагов, увяз в снегу, закоченел до смерти. Смешно, я посмеялся. После чего принялся бешено вертеться, стараясь подняться на ноги. Привело это лишь к тому, что я еще глубже просел и влип.

Снег напомнил топь. В нее тоже проваливаешься – сначала неглубоко, и кажется, что ерунда, несерьезно. Но пара неосторожных движений – и все, увяз. И стоит проявить активность, как засасывает окончательно, пять минут – и ты уже по уши, еще минута, и жрешь лягушачью шкуру.

Только здесь еще холодно.

Я лежал на спине, и меня заметало снегом.

Можно было попробовать покричать. Алиса и Егор вряд ли услышат, но хоть согреюсь.

Я крикнул. Получилось позорно, такое длинное безнадежное мычание, ветер подхватил его и растрепал, бесполезно орать. Еще минут десять. Китайский комбинезон, китайская броня, некоторое время они задержат тепло. Ненадолго.

Надо подняться.

Я перевернулся на живот. С усилиями, растянул что-то в шее. Оперся на ладони, подтянул колени...

Опять провалился.

И еще.

Барахтался минут, наверное, десять, может, меньше, время в холоде тоже подмерзает. Падал, поднимался, не хотелось совсем уж так бестолково.

Конечно же, я поднялся. Будильник моей жизни не исчерпал еще своего завода, так сказал бы Егор. Сделал несколько шагов на месте, утрамбовывая снег. Теперь к дому...

Я рассмеялся уже почти в голос. Направление. Я потерял направление. Шаг в сторону, упал, повернулся, все. Метров десять до стены дома, только куда? Теперь осторожно. Я не успел отойти далеко, я сумею вернуться, главное, определиться... Вот для этого и нужна веревка. Для направления. По следам не вернуться, их мгновенно заносит. Зрение бесполезно. Звук... Я не слышу собственного хрипа.

Пять минут осталось, я начинал чувствовать дрожь в кишках, надо выбираться скорее, я придумал, как это сделать за две с половиной. С помощью ремня. Он у меня длинный, двойной, четыре метра вокруг пояса. Если привязать к нему патронташ и ремешок от кобуры, вместе будет метров семь, вполне хватит.

Я снял шлем, привязал к нему лямку, вдавил каску в сугроб, все, вперед. Получившийся фал натянулся, и я пошагал по окружности, вглядываясь во мглу.

Через минуту наткнулся на стену. Еще через полминуты ввалился в окно. Шлем выдернул ремнем. Выбрался. Отряхнулся от снега, поспешил к Алисе с Егором. Зубы клацали, искусал все щеки.

Егор сидел возле стены, кипятил воду, я подошел к нему, выпил полкотелка. Полегчало. В другие полкотелка сунул пальцы, восстановить кровообращение чрезвычайно важно.

– Вот оно – спасение! – ехидно сказала Алиса. – Великий и могучий Дэв уединился в глубины, усердно помолился, и Зевс даровал ему говноступы!

Я поглядел на ноги. Снегоступы снять забыл. Так, смешно, на самом деле смешно.

– Воспоем же богам славу, вознесем им жертву. Егор, ты как насчет жертвы, а?

– Смотря чего в жертву...

– Это точно. Обычно в жертву приносят самого невинного.

– Что это ты имеешь в виду? – насторожился Егор.

– Не переживай, ты не годишься, – брезгливо сказала Алиса. – Прыщельгу в жертву не один уважающий себя бог не примет, прыщавых в жертвы не берут.

– Я не прыщавый, – буркнул Егор. – Это у меня шрамы.

– Шрамы от прыщей, – уточнила Алиса. – Так что ты в жертвы совсем не годишься. Рыбинск тоже отпадает, от него рыбой смердит, потому что он в детстве головастиками питался, весь насквозь пропах. Какому нормальному богу такие воняры нужны? Я... Я не подхожу.

– Почему это?

– Женщин в жертвы брать не положено, их не хватает. Вот и получается... А Чапу тоже нельзя, она крыса крысиная, недостойна. Ты мне книжек принес, Прыщельга?

– Да. Три раза ходил, вон в углу.

– Вонуглу – это твой дедушка трупоед, а мне подай сюда альбомы.

Егор проследовал в угол, достал тяжеленную стопку альбомов, с трудом подтащил ее к Алисе, опустил на пол.

Алиса взяла альбом, принялась листать. Задумчиво, слюнявя палец. Егор смотрел из-за плеча, тоже искусством интересовался, Алиса ткнула его локтем.

– Хватит нависать, Прищига. Идите испытывайте говноступы, с глаз моих, а то сейчас соплями измажуся...

Смотреть, как Алиса измазывается соплями, не хотелось, я удалился, Егор за мной.

– На улицу пойдём? – спросил Егор. – Мне кажется, надо вот эти штуки на самом деле испытать, вдруг пойдём, а они развалятся...

Мне не хотелось выходить на улицу и уж тем более не хотелось обучать Егора премудростям управления со снегоступами, да и Егору не хотелось, какому человеку хочется по морозу?

– Хорошо, – сказал я. – Снегоступы – это просто. Возьми их и ходи туда-сюда, главное, ноги повыше задирай.

– А ты?

– А я пойду... Погуляю.

– Погуляешь... Вот и правильно, а я тут недалеко поупражняюсь. Хорошо?

– Лучше не бывает.

Егор с усилиями обулся в зимнюю обувь и стал шлепать туда-сюда, стараясь держаться подальше от лестницы. Я поднялся на этаж, сунулся в первую же квартиру, сел на табуретку. И сидел. Не знаю сколько, часа три. Стена напротив была изрисована черными человечками, состоящими из палочек и кружочков, человечки ничем не занимались, стояли и смотрели на меня точками глазок, сразу сотни глазок. Как-то они меня сглазили, стал я на них смотреть, смотреть еле очнулся...

Спустился к своим. Егор уже не упражнялся в снегохождении, Егор готовился к ночлегу, рубил журнальный столик. Он ловко разделявал мебель, с привычкой, в слоне привык, наверное. Журнальный столик оказался хороший, не клееный, из настоящих досок. Егор щепал столешницу на длинные лучины, обеспечивал нас светом на вечер.

Я занялся дровами для отопления, пустил на них высокий шкаф. Он тоже оказался неплох, тоже из дерева, с этим нам повезло, в доме оказалось неожиданно много подобной мебели, не знаю, чем уж это объяснить. Обычно нам попадает дрянная, спрессованная из опилок, с обилием клея и лака, топить такой опасно, потому что горит она неровно, пускает черный дым и невидимый угар, а когда разгорится как следует, начинает стрелять ядовитыми брызгами.

Наколот дров, сложил их возле стены. На завтра. Под батареей устроил очаг – несколько кирпичей вокруг, чтобы тепло дольше удерживалось. Заварил медленный костер. Огонь получился ровный и постепенный, как полагалось, тепло растекалось по стенам, через пару часов разогреется батарея и станет совсем хорошо...

Алиса лежала в коврах, плела. Она построила лампу из старой жестяной банки, шнурков от кед, масла и осколка зеркала. Тускло, но глаза у Алисы большие, света в них много попадает. Альбомы вокруг разбросаны и, что меня порадовало, полусплетеная веревка. Устав от просмотра старинной живописи, Алиса, видимо, взялась за веревку. Егор приволок штор, ободрал искусственную шкуру с кресел, нарезал на полоски, и теперь Алиса собирала из них веревку... Много у нее получилось уже, метры. Не совсем Алиса бесполезный человек, косички заплетать способна. Наверное, опыт есть, впрочем, все девчонки хорошие плетуньи, даже те, которые этому никогда не учились.

Плела, пальцы так и мелькали. А еще беседовала с Егором. Он ей рассказывал про наши приключения. Про то, куда мы шли, зачем шли и что из этого получилось, она, само собой, хмылилась, говорила «о!», «ого!», «да что ты говоришь», Егор же оставался серьезен.

– И тогда он понял, что все можно исправить, – Егор кивнул на меня.

– Да что ты? – переспросила Алиса с язвительным интересом. – Прямо так вот и понял? Не сходя с места! Это, конечно, да. А вообще, ты прав, Егор, наш Дэв – в высшей степени человек необычный... Просто... Погоди, сейчас придумаю, как его назвать...

Алиса смеялась и обзывалась. В основном на меня. В основном смешно. Поэтому, когда они начинали беседы, я отправлялся бродить по дому. Поднимался на пару этажей вверх и слушал ветер, опускался вниз и слушал хруст снега, а если совсем ниже, то тишину. Вот и сейчас отправился на чердак, но быстро вспомнил, что придется проходить мимо мертвой Маши, передумал, спустился вниз, в книжный, там мирные скелеты, скелетов я уважаю.

Книжные магазины еще встречаются, особенно здесь, в Москве. У нас в Рыбинске их вообще не было, здесь есть. Полки до потолка, книги, диски, записные книжки. Первым делом при попадании в книжный проверяем полки с картами. Обычно они пустые – карты сейчас редки, но иногда встречаются. Вот здесь есть. Карта Амстердама, карта Берлина, карты других городов, бери – не хочу. Путеводители по Европе, по Рейну, по Англии, все эти названия мне ничего почти не говорят, далекие и, возможно, уже несуществующие города, раньше живые, сейчас одни названия, затопленные, или сожженные, или погребенные снегом, нет их давным-давно, и памяти от них нет.

После карт стоит в справочники заглянуть. Если очень повезет, найдешь про оружие, с картинками и схемами, как все устроено, какие патроны и кто это все придумал в тысяча девятьсот сорок седьмом году, и какие недостатки. Но это совсем редкость, обычно про то, как починить машину с картинками, или как на компьютере работать, или вот медицинских много. Только они все бестолковые, сейчас болезни совсем другие – это раз, лекарств все равно не найти – это два. Но почитать интересно. Вот сейчас тоже так получилось, сунул не глядя руку в полку, достал. Медицинский справочник, открыл наугад и прочитал про заболевание ногтей, возникающее вследствие недостатка в организме витамина Д. Мне понравилось описание этого заболевания, я прихватил книжку и принялся бродить между стеллажами.

В магазине пахло бумагой, сколько лет прошло, а бумага все пахнет и пахнет, книги валялись на полу, обложки за время размякли, и кое-где на них проросли бледные подземные грибы, замерзшие и хрустевшие под ногами. Впрочем, грибы росли и на стеллажах, и в книгах, и между книг. Я не искал ничего особенного, просто снимал с полки, читал название, кидал на пол, как-то это меня успокаивало, я думаю, люди раньше так и успокаивались. Все равно большую часть книг прочитать было нельзя, буквы внутри склеивались и размывались в безгласные кляксы.

Художественный отдел, самый сохранившийся. Альбомы на толстой бумаге с толстыми обложками. Внутри картины. Или фотографии. Иногда со смыслом, иногда без, например, ведро ржавое, зачем фотографировать ржавое ведро, когда его и так в любом месте посмотреть можно. Как-то использовать эти альбомы нельзя, только смотреть. Алиса смотрит, а мне от этого грустно, а Егору плевать, он в слона хочет вернуться, смотрит альбомы.

Идем дальше.

Детский отдел. Большой, раньше для детей много всего делали. Взял книжку с бегемотом на обложке, оказались стихи о том, как бегемот гулял по городу и давил кошек и собак. Странные стихи, непонятные, лучше учебник. Поднял с пола табуретку, стал читать, тоже наугад, двести восьмая страница.

Синдром хронической усталости. Симптомы... Симптомы, значит, это как оно проявляется. Беспричинные приступы гнева, потеря памяти, плохое настроение, которое обваливается тебе на плечи. Пить все время хочется еще. Страдают три человека на десять тысяч. Я страдаю. Возможно, я единственный человек с такой болезнью во всем мире, если я кого-то убью – это не я виноват, сразу предупреждаю, это не я, это мой недуг.

Плоскостопие. Это когда нога плоская, отчего неудобно ходить, а потом, через много лет, начинает спина болеть. У меня на правой ноге развивается. От недостачи пальцев, я уже хромаю, я уже привык хромать, почти не замечаю этого, но если я поскользнусь и мир не будет спасен, то все вопросы тоже не ко мне.

Дальтонизм. Это когда цвета не видишь. Тоже про меня, то и дело в чернушку выбрасывает. Но это приобретенное. Мешает, кстати, целиться очень, трудно успокоить мреца, если оттенков не различаешь.

Медицинский справочник. Тяжелый. Отличная книжка в толстой зеленой обложке, никогда не обращал внимания на книги в зеленых обложках... Потер глаза на всякий случай – зеленая, значит, все еще в цвете. В последнее время в цвете все-таки больше, выздоравливаю, однако...

Книги – копилки знаний. Икра будущего. Из нее по идее должен когда-нибудь вылупиться грядущий мир, хотя при растопке, само собой, я никогда про это не думал. Не думал, что чтение – настолько увлекательное занятие. Нет, я иногда люблю почитать, например, как тогда, в танке. Но в привычку это не вошло, не успело, вернее, а тут вот я подумал, что чтение – это здорово. И полезно. Вот я никогда не знал, что в мире так много болезней. Чуть ли не тысячи. Конечно, большая часть из них просто выдумана нервными женщинами, но есть и настоящие, которые на самом деле опасные. Кровь, к примеру, когда не сворачивается. Или когда кости все время ломаются. Или в мышцах поселяются паразиты размером с ноготь мизинца, и их не вытравить никаким лекарством, их надо вырезать, а для того, чтобы они не разбегались, их сначала следует раскаленной иглой протыкать.

А у нас всех этих болезней нет, мы очень здоровые люди. Потому что если у тебя полиомиелит, или аневризма, или отек в мозгу, то ты вообще не живешь. А если у тебя кожные заболевания, то ты тоже в живцах не задерживаешься – всякая пакость мгновенно прилипает, начинаешь гнить на ходу. Даже насморк – и тот чреват – с заложенным носом особо не побегаешь.

Я уж молчу про всякие гипертонии, диабеты или психические отклонения, как раньше несчастные люди мучались...

И ведь почти от всех этих болезней лечили. Таблетками, уколами, электрическими разрядами, особыми бактериями, хирургическими вмешательствами, раньше люди умели болеть, знали в этом толк – это видно по медицинской книжке. Со вкусом написано, звучит. Гораздо интереснее стихов, одни названия чего стоят. Ишиас, люмбаго, перитонит – как песня, хочется вслух зачитывать. Но у меня, увы, не люмбаго, у меня все-таки синдром хронической усталости. СХУ. Мне надо больше отдыхать, спать, гулять на свежем воздухе и пить с утра гранатовый сок...

Показался Егор. И Алиса. Вместе. С чего бы это... Стряслось что-то, иначе Алиса не поднялась бы.

– И зачем тебе гранатовый сок? – спросила Алиса.

– Какой сок? – не понял я.

– Гранатовый. ... Мне нужно гулять на свежем воздухе и пить гранатовый сок, – повторила Алиса. – Бредишь вслух, Рыбинск?

Наверное. Зачитался. Вслух. Отлично...

– Егор, ты знаешь про гранатовый сок? – осведомилась Алиса.

– Не очень, – сосредоточенно ответил Егор. – Что-то слышал вроде, давно... Его из гранат выжимают, надо только взрыватели вывернуть.

Алиса хихикнула, я не хихикнул.

– Видел я гранатовый сок, – сказал Егор. – В магазине, на полках. Только он весь скомканный, пить нельзя. А по цвету черный.

– Меня надо гранатовым соком лечить, – повторил я.

– Тебя надо пристрелить, чтобы не мучился. И всех нас тоже, я давно мучаюсь. У меня горло болит.

Я протянул руку, приложил ее ко лбу Алисы. Она не отдернулась. Так и есть. Горячая. Простыла. Если начнется воспаление... Никаких лекарств. Никакой еды. Если Алиса разболеется...

В последнее время она не очень хорошо выглядит. Мы все не очень хорошо выглядим. Зачем пришли? Алиса никогда ничего сразу не скажет, ведь сначала надо покривляться, такая она. Поэтому я не спешил спрашивать.

– Дэв, ты стулья умеешь делать? – спросила Алиса.

– Нет, – честно ответил я.

– Вот. Не умеешь, а постоянно что-то ломаешь... Ты хоть что-то в своей жизни построил?

– Нет, – снова честно признался я. – Строить – не мое предназначенье. Я разрушаю. Хотя вот лапти сплел... И вообще, строить пока не время.

– Да, конечно, у тебя никогда не время... Слушай, Дэв, правда, что ты увлекся отрезанием конечностей? Мне тут Прыщельга понарасказывал – я чуть вусмерть не расхохоталась. Смотри, Рыбинск, это заразная штука. Я знала одного типа, он случайно отрубил себе фалангу мизинца на левой руке и пристрастился. А когда остановился... Мало чего осталось. Будь осторожен.

– Обязательно буду.

– А ты увеличиваешься в моих глазах, Рыбинск, – ухмыльнулась Алиса. – Раньше ты мечтал найти себе подружку, теперь ты хочешь спасти мир. Это все-таки правда?

– Растем, – сказал я.

Алиса рассмеялась.

– Я знала, по крайней мере, двух спасателей мира, – она показала на пальцах. – Один думал, что вся проблема в метеорите. Упал метеорит, от него распространилась зараза. И продолжает распространяться, от этой заразы все уродуются. Решить же все очень просто – доставить этот метеорит закопать. Он даже лопату себе припас, кстати, лопаточник такой, вот как Егор. Только, конечно, он ничего не закопал, это его закопали. Наверное.

Алиса подмигнула Егору.

– Я не лопаточник, – возразил Егор. – Я вообще...

– А второй был еще интереснее, – не услышала Алиса. – Он спасал мир добротой.

– Как это? – не понял Егор.

– Так вот. Решил, что все зло в мире от зла. Наверное, книжку какую-то прочитал, у нас тоже этим прибаловывались. И сказал, что не станет творить зла и этим исчерпает зло вокруг. Два дня продержался. Всем улыбался, оружие отринул – сказал, что в случае опасности предпочтет спасаться бегством, прятаться, прикидываться мусором.

– А потом?

– Потом дедушку убил.

– Лопатой? – почему-то поинтересовался Егор.

– Почти. Коловоротом. Дедушка заразился... Не знаю, уж чем он там заразился, но решил он своего внука сожрать, сырым, без всякой кулинарной обработки. Внушек пытался его переубедить, взывал к совести и родственным чувствам, само собой, бесполезно. А у этого как раз коловорот под рукой оказался, вот он его и засверлил. До смерти наверняка. Потом, конечно, расстроился, но поздно уже было, оказалось, что без зла в нашем мире никак не выжить. Вот так.

Алиса выглядела весело, злобно и нездорово. Надо ей что-то подарить, подарю ей...

Не знаю, что надо дарить в нашем случае. В древности дарили цветы, золото, бриллианты, сейчас эти предметы не имеют никакой цены, удивляешься, за что их любили? Камни, веники, мягкое железо. Вот если бы я подарил Алисе корзинку с патронами, или парашан, или настоящие антибиотики, я читал, что антибиотики помогают практически от всех болезней, но теперь их не найти, вот это было бы настоящим подарком. А так...

– Значит, Рыбинск, ты – третий. Значит, мы на самом деле отправляемся на спасение мира? Правду мне Прыщельга рассказал?

– Вроде того, – подтвердил я.

– Да, правда, – сказал Егор. – Идем спасать. Я и Егор. И ты.

– И я? – Алиса как-то не обрадовалась. – Ну да, конечно, как без меня. Чувствую только, что хорошим ничем это не закончится. Вот когда в прошлый раз наш Рыбец отправился в поход – и всего-то ничего – за невестой, трупы валились направо-налево. А теперь мы идем спасать мир. Трупы взгромоздятся до небес. Бедный мир. Он так противится своему спасению, всеми копытами упирается, но ничего, наш могучий Дэв его все равно спасет. Ухватит покрепче за жабры – раз – и спас. Аж искры из глаз!

Егор поглядел на меня – что я скажу на эти издевательства? А что мне сказать было, привыкай, дружок, это Алиса.

– Вы, кстати, до сих пор не рассказали – в какую сторону спасать-то будем? – спросила Алиса. – Держите меня в неведении, начинаю подозревать нехорошее... Егор, ты случаем не расчленитель?

– Нет вроде бы... – серьезно ответил Егор. – Но если ты хочешь...

– Спасибо, не надо. А вообще... Вообще мне лень спорить. Спасать так спасать. Не одной же оставаться. Серебряная собака – это само собой... Слушайте, вы на самом деле во все это верите? Нет, Рыбинск может не отвечать, я знаю, что он ответит. А ты, Егор? И ты во все это веришь?

Спросила Алиса.

– Да, – ответил Егор. – Мне отец рассказывал, он верил. И Дэв верит. И я...

– В большую красную кнопку?

– Да, верю. В большую красную.

– Ладно, уродцы, убедили.

Алиса сунула руку за пазуху, достала скомканный лист гладкой бумаги.

– Редкая книга, – сказала она. – Хотя я пару раз ее все-таки видела... «Памятные места Москвы», Егор притащил. Все памятники, все красивые здания, достопримечательности... Вот и наша собака.

Алиса сунула мне листок, я расправил, осветил.

Собака. Та самая. На пьедестале, возвышается над окрестом. Люди вокруг ходят, а у подножья цветы синенькие.

– Памятник знаменитой собаке, – сказала Алиса. – Тот самый. Правда, Прыщельга?

– Правда-правда, – сказал Егор. – Я помню...

– Точно тот? – спросил я.

Внешне похожа, но кто его знает? Может, их несколько ставили, на каждой стороне города.

– ...серебро, проба девятьсот двадцать пять, работа скульптора Боргезе, установлена на пожертвования исцеленных...

Алиса читала с листа, мы слушали.

– Ага, вот. Единственная в своем роде скульптура из драгоценного металла такого размера и веса... в момент открытия вес памятника составлял восемнадцать тонн триста пять килограммов... За все время зафиксирована лишь одна попытка похищения, причем неудачная, разгневанные граждане расправились с похитителями самочинно... Памятник расположен в сквере на улице... улица нам теперь ничего не скажет, там не улица... Ага, расположен в районе метро «Проспект Вернадского...» Сквер, разбитый в честь открытия нового гемологического центра... Прыщельга, не спи! Запоминай, зараза!

– Я запоминаю, – огрызнулся Егор. – Все запоминаю, проспект, рядом сквер, там еще сырный завод должен быть...

– Есть тут сырный завод, – Алиса ткнула в листок. – То есть не сырный, сырno-молочный комбинат «Молочные берега», один из крупнейших в Европе... Вам в эти «Молочные берега» как раз шлепать. То есть нам. Нашли?

Похоже, что нашли. Хотя я не думал, что с этим возникнут серьезные сложности, про такую выдающуюся собаку должны были знать многие. Вообще, я, наверное, должен был про собаку сам найти, в справочнике наверняка про это написано, все-таки знаменитый медицинский пес. Но Алиса меня опередила.

– Скажите спасибо, опарыши, куда вы без меня...

– Спасибо, – сказал Егор с готовностью.

– На здоровье, Прыщельга...

Алиса потрогала лоб, поморщилась, горячий, видимо.

– Есть еще кое-что, – сказала она. – Прыщельга, карту дай.

Егор достал карту. Мятую, изодранную, полинялую, Алиса брезгливо взяла ее двумя пальцами.

– Сразу скажу – это не я придумала, – предупредила она. – Я дурью никогда не маялась, я человек нормальный. Но некоторые у нас страдали. Сами понимаете, сейчас детей отсталых много появляется, все почти отсталые. От отсталых родителей – отсталые дети, да, Егор?

– Наверное...

– Не наверное, а точно, вы доказываете это своим примером. Ладно, смотрите.

Алиса расстегнула куртку, сунула руку за воротник, достала кругляк с птичьей лапкой. Пацифик. Такой, как у всех. Подышала на него, протерла о рукав.

Приложила к карте.

– И что? – спросил Егор.

Алиса достала карандаш. Красный. Послюнявила.

– Теперь вот так, – сказала она и стала рисовать.

Обводить то есть.

Не скажу, что я особенно удивился. Во-первых, я уже давно не удивляюсь, во-вторых, я и сам подозревал. Пацифик вписался в схему метро. Конечно, не совсем ровно, но очень, очень выразительно. Левый палец птичьей лапы проходил через станцию «Проспект Вернадского».

– Вот так, – закончила Алиса.

– Это же... Совсем недалеко от Варшавской...

Прошептал Егор.

Действительно недалеко. Несколько километров, меньше, рядом совсем.

– Это здесь недалеко, – Алиса ткнула в карту. – А в жизни... Там сплошные развалины ведь, все равно не пройти. Что делать будешь, Рыбинск? Поверху не пройдем никак, надо в трубу лезть. И по тоннелю, прямиком... Только вот у меня вопросик – где труба? Нет, я понимаю, что труба, она везде, но все-таки?

Глава 3

Снежное безумие

Проверим.

Веревка получилась прочная и длинная, почти сто пятьдесят метров, пока хватит, Алиса молодец. Кроме основного фала, связали еще петли, одним концом крепились к поясным ремням, другим к веревке. Алиса предлагала просто держаться, я был против – пальцы замерзнут – отпустишься – и все, метель слижет тебя, сплет на ухо мягкую песню, от которой забудешь про жизнь, опустишься в добрую перину и сладко уснешь навсегда.

С собой взяли все, что могло пригодиться. Вырезанные из ковров и сшитые проволокой мешки, тяжеловатые, зато теплые, некоторое время можно даже на снегу продержаться. Дрова. Нарубили на дрова все подходящие койки, нащипали поленьев и кольев – на всякий. Крышку от плиты из тонкого железа. Книги. Нет, лечебный справочник я, увы, не прихватил, для растопки взял две телефонных книги.

Больше ничего полезного в доме не нашлось.

Мы стояли в большой комнате на четвертом этаже. За ночь снег не перестал, но значительно просел под собственной тяжестью, поэтому общий его уровень не поднялся. Смотрели в окно, в него медленно вливался синий свет и вметался снег, и тишина.

– Спасибо этому дому, идем к другому, – прошептал Егор.

– Ага, – сказал я.

Привязал веревку к батарее хитрым узлом, надел снегоступы. Поверх брони и китайского костюма натянул ковровый мешок с прорезями для рук и головы, сразу сделался неповоротливым и тяжелым.

Алиса и Егор последовали моему примеру, Алиса даже не выругалась.

– Держимся вместе, – повторил я. – Если кто оборвется, не паниковать, оставаться на месте. Друг от друга не отдаляться, я иду первым, Алиса за мной, Егор замыкает. Все очень просто.

Я сделал шаг, и снег тут же обнял меня и качнул вправо, попытался повалить. Я взмахнул руками, удержал равновесие. На секунду мне показалось, что в метели кто-то есть, живой, ждущий, но я быстренько взял себя в руки, я не верил в обитателей снегов. Это только зима.

– За мной! – крикнул я через плечо в метель.

Через минуту показалась Алиса, а вслед за ней Егор.

Все. Отправились. За ночь снег подмерз, образовалась корка, шагать по ней оказалось легче, можно было почти скользить. Но мы не торопились, я делал небольшие шаги, не шире самого снегоступа. Отсчитав пятьдесят шагов, я остановился. Алиса и Егор подтянулись почти сразу.

Они походили на ходячие сугробы, наверное, я выглядел тоже так.

– Ни черта не видно! – перекрикивая ветер, объявила Алиса. – Прекрасная погода для прогулок! В Рыбинске вы все так бродите?!

Я не ответил. Передохнули минуту. Вообще передыхи – штука опасная, ветер мгновенно выдувает тепло, продержаться в метель очень сложно. Мешки помогают, они выполняют роль шубы, сдерживают холод... Но и смерзаются. Я это почувствовал, ковер стремительно утрачивал гибкость, я шагал точно в деревянном пиджаке, к тому же сшитом изрядно не по размеру. Я вдруг едва не рассмеялся, рассмеялся бы, побоялся подавиться студеным воздухом. Деревянный пиджак – прекрасная примета. Если Алиса догадается, запилит безжалостно. Ладно, пора двигаться.

Через семьдесят неровных шагов веревка натянулась, мы остановились. Собрались вместе, сдвинулись в своих ходячих гробах.

– За руки возьмитесь! – велел я. – Не отпускайтесь!

Я дернул самодельную веревку особым образом, на другом ее конце распустился узел, вбил в снег кол и привязал веревку уже к нему. Пошлепали дальше.

Пока все шло неплохо. Я не очень замерз, лямка не оборвалась, никто не отстал. Немного неприятно было чувствовать себя оторванным от здания, ладно, попробуем... Вевка натянулась еще раз, затем еще раз, она натянулась пять раз. Мы остановились, собрались в кружок.

– Заблудились, – высказался Егор.

Алиса промолчала, может, у нее смерзся рот, не смел надеяться на подобное счастье. Что им сказать, я не знал. Мы никуда не вышли, но мы и не заблудились – ведь мы не знали, куда следует идти.

– Идем дальше.

– Куда? – поинтересовался Егор.

– Туда, – я махнул в сторону снега.

Пошагали.

Через час сделали остановку. Из снега так ничего и не показалось. Мы продвинулись, по крайней мере, на километр, если судить по тому, сколько раз я сматывал натянувшуюся лямку и втыкал в снег очередную обструганную ножку от стула. И за этот километр мы ничего так и не обнаружили. Если тут и был какой-либо дом, то его замело с потрохами. Надо было погреться, если этого не сделать, то через полчаса замерзнем. Опять установились кругом. То есть треугольником. Сверху натянули кусок полиэтилена, на снег положили железный лист, на него дрова.

Костер упорно не разводился. Воздух слишком сыр и холоден, воздух не хотел кормить огонь. Я вырывал из телефонной книги разноцветные листы с адресами и цифрами, с объявлениями о ремонте стиральных машин, о строительстве домов из бруса, о передержке собак, комкал их и подсовывал под щепки. Чиркал огнем. Искры высекались обычные, горячие и шипящие, они въедались в бумагу, оставляя широкие дырки, я дул на них, стараясь вызвать пламя. Не получалось. Я дул снова и чиркал, чувствовал, как коченеют пальцы, старался сжимать кулаки. Снова рвал бумагу, сворачивал ее в трубку, чиркал.

Получилось. Огонь зацепился за краешек, потек дым, я дунул, стараясь попасть в ритм дыхания. Пламя побежало по бумаге, я свернул трубку плотнее и подсунил ее под щепу. Через несколько минут костерок разгорелся, я установил котелок и залил воду.

Чая дожидаться не стали. Вода разогрелась до первых пузырьков, пили по очереди. Выдули по литру, в животе потяжелело.

Дальше. Шлеп, шлеп. Наверное, раньше это все выглядело совсем по-другому. Люди, кажется, на собаках зимой ездили. Усаживались в специальные сани, укрывались непромокаемым пологом, разводили маленькую печку – и погоняли псов, впряженных в длинные лямки. Удобно и быстро. А на таких снегоступах только в гости ходили...

Я старался держаться выбранного направления. Шлеп, шлеп, топ, топ. Немного выбрался вперед, мне казалось, что так моим недобитым легче – за моей спиной образуется безветренный пузырь, в нем меньше сдувает. У Алисы еще жар, с жаром по холоду бродить крайне трудно.

Вевка дернулась.

Я оглянулся. Алисы нет. Я видел Егора, пробиравшегося ко мне, Алису не видел. Егор что-то кричал и размахивал руками, указывал вбок.

Подошел к нему.

– Она отцепилась! – крикнул Егор. – И туда! Туда!

– Стой на месте!

В метель можно только орать. Снег глушит звук лучше любой ваты, мы орал.
– Стой здесь! Здесь! Ни шагу! Два раза за веревку дерну – иди ко мне, понятно?
Егор кивнул.

Я перехватил веревку и двинулся за Алисой. Снежное безумие. Не видел, не слышал. От избытка белого цвета. Человек не может долго переносить белый, красный и черный, в голове что-то перешелкивает, и начинают происходить странные вещи. Обычно это зов. Человек слышит голоса. Мертвых, тех, кого ты любил, кого не можешь забыть. Голоса выманивают в снег, и человек замерзает. Если сразу перехватить не удастся...

Попытался разглядеть следы, нет, никаких. Надо торопиться. Вряд ли она успела далеко убежать, найду, настучу по шее...

Из снега выступило высокое и темное. Терялось, уходило направо-налево, стена, кажется. Алиса сидела в снегу, махала рукой. Я дернул два раза за веревку, приблизился к этой дуре.

– Ты что, совсем рехнулась? – спросил я.

Алиса махнула рукой.

– Увидела это, – Алиса постучала по стене. – Думала, дом...

Голова у Алисы походила на снежный кочан, сквозь маску не видно лица.

– А это не дом...

Показался Егор. Тоже снеговик, понятно теперь, как снеговики случаются, уходил кто-то, замерзал и становился снеговым. Вот мы все сейчас замерзнем возле этой стены, и явятся три снеговика.

– Ты чего убегаешь?! – с обидой спросил Егор. – Нельзя же разбежаться в снегу, это всегда известно...

– Я дом нашла! – огрызнулась Алиса. – А ты что в своей жизни нашел, кроме блох под коленками?!

– Пойдем направо, – сказал я.

– Давайте отдохнем, – попросила Алиса. – Я устала...

От холода всегда устаешь.

– Останавливаться нельзя, – напомнил я. – Надо двигаться. Двигаться, или замерзнем. От стены не отставайте, держитесь за веревку, пошевеливайтесь.

Я направился направо. Алиса и Егор за мной.

Стена тянулась. Ровная, почти однородная, мы шагали и шагали, сначала я считал шаги, потом бросил, от мороза в голове плохо шевелились шестеренки. Мы шагали, а потом уже волоклись, стена продолжалась, и конца ей не предвиделось. Егор начал падать, запинался, стучался о стену, валился, и мы с Алисой выковыривали его из снега и подталкивали вперед.

Алиса держалась неплохо. Хотя Алиса человек вообще надежный, ну, разумеется, в определенных рамках. Брели. Через некоторое время я стал подозревать.

– Мне кажется, это круг, – крикнул я. – Дом круглой формы, я видел такие...

Егор с чего-то рассмеялся и тут же закашлялся, захлебнувшись воздухом.

– Наверное... – согласилась Алиса. – Вряд ли такая длинная стена. Если это круглый дом, то мы хорошо сбились – теперь нужного направления не определить вообще...

– У нас его и не было, – тут же возразил Егор. – Какие направления... Надо что-то придумывать...

Я и без него знал, что надо что-то придумывать. Только вот не мог ничего.

– Давайте еще воды попьем, – предложила Алиса.

Здоровая идея, воды попить – это неплохо. Я разложил на снегу железный лист, собрал костер, попытался развести огонь. В этот раз вообще ничего не получилось. Пошевелил пальцами. Еще не отморожены, но двигаются уже с трудом, да...

Алиса попробовала, огонь не откликнулся. Егор не стал, потому что снег, в котором он извалялся, начал смерзаться и превращаться в крепкую ледовую коросту, шевелился Егор еле-еле.

Над костром мы бились, наверное, с полчаса, бросили, Алиса отвалилась к стене. Я достал патрон. Почти драгоценность. Выковырял пулю, насыпал пороха на дрова. Бумагу подложил, чиркнул. Порох помог. Дрова вспыхнули и загорелись, занялись, и тут же порыв ветра проглотил пламя. Алиса выругалась. Я забрал у Егора еще патрон, и снова загорелось, Алиса, Егор и я окружили огонь ладонями, но это не помогло, ветер задул и этот.

– Спиртом надо, – предложил Егор. – Плесни чуток.

– Здесь не загорится. Спирт испарится.

– Тогда все, – невесело сказал Егор.

– Пойдем дальше. Вдоль стены больше не пойдем... Туда...

– А что у нас осталось? – поинтересовался Егор.

– Да, что у нас осталось? – спросила Алиса.

– Несколько патронов. Граната...

– Граната – это прекрасно! – прохрипела Алиса. – Предлагаю сесть в кружок и выдернуть чеку. И сразу отправиться на небо. В космос. На Луну... Как вы думаете, на Луне есть снег?

– Там тоже холодно, – сказал Егор. – Я читал, там еще холодней, чем здесь. И воздуха там нет, мы бы уже давно задохнулись.

– Мне кажется, я что-то видел... – вмешался я.

Ничего я не видел. Ничего. Начало темнеть, свет стремительно утекал из мира, скоро мы окажемся в темноте, побредем сквозь нее, ненужные и заброшенные. Не видел, но следовало задать направление.

– Там, – я махнул рукой перед собой. – Туда.

Туда.

– А почему не оттуда? – спросила Алиса. – Или не обратно?

Снег начал меняться. Видимо, холоднее стало, и снег теперь налипал гораздо сильнее, приходилось часто останавливаться, обтряхивать снегоступы и друг друга. Егор продолжал падать, спотыкался почти на каждом шагу. Алиса тоже. Из-за снега, он оседал на плечах, на спине, он покрыл ковровые мешки толстым слоем. Да и сами мешки начали промокать, набирали воду и одновременно тяжесть, надо было избавляться от них.

– Стоп!

Замерли. Ходячие сугробы.

– Надо раздеваться, – сказал я. – Или через полчаса вмерзнем.

Достал нож, срезал проволоку, ковер спал с меня, стало легче, гораздо. Скоро начнется холод, поэтому лучше поспешить. Куда-то...

Я срезал ковер с Егора, повернулся к Алисе.

– Ладно... – сказала она.

Срезал с Алисы.

– Вперед! – скрипнул я зубами.

Шагать без балахонов оказалось гораздо легче. Но и холоднее. Стоило поспешить. Чтобы прийти хотя бы куда-то. Требуется укрытие, причем срочно, срочно. Может, это была плохая идея, идти в пургу. Шаг за шагом, хрусть, хрясть. А других идей нет.

– Эй, Дэв! – позвала Алиса.

Я обернулся.

Ноги двигались все хуже, с трудом выдирались из снега, каждый шаг отнимал силы, да и стоять тоже было нелегко, снег давил на плечи, стряхивать его приходилось почти каждую минуту.

– Дэв, – Алиса приблизила ко мне лицо. – Дэв, послушай...

Зубы стучали. Громко. Все, выстудилась.

– Что?

– Мы, кажется...

Алиса замолчала. Я подтянул к себе веревку. Обвязал ее вокруг пояса Алисы, обвязал ее вокруг Егора.

– Держитесь, – сказал я.

И поволок их за собой.

Очень скоро мы встали окончательно. Из-за колен, они замерзли. Во всяком случае, я чувствовал так. Коленная жидкость загустела, и в глазах тоже густеть начинало, хотя, кажется, что температура росла.

Егор дышал с хрипом, Алиса пошатывалась.

– Привал, – объявил я. – Десять минут... Следите друг за другом.

Я осознавал опасность. Вполне. Уснуть, вмерзнуть. Но отдохнуть тоже надо, иначе можно уснуть на ходу, свалиться и очнуться уже на том свете, в облаках, в райской пене.

Остановился и сел, поджав ноги и сложив руки на груди. Я уснул мгновенно, глаза не успел закрыть, в холод не только пить хочется, но еще и спать. Отключился, стек в озеро жидкой нефти, на самое дно...

Проснулся от крика, от визга то есть. Егор верещал, некоторые умеют верещать. Звук долго пробивался в мою голову, через слои сна, усталости, липкого безразличия, много еще чего накопилось, звук звенел в ушах, и снег не мог остановить его.

– Дэв! – орал Егор издали. – Дэв! Проснись!

Глаза не открывались. Кажется, я плакал во сне, ресницы смерзлись и расцепить их не осталось сил.

– Дэв! Она украла гранату!

Алиса украла гранату, на Луну собирается, там холодно...

– Она хочет взорваться!!!

Я открыл глаза, с треском и болью.

Вокруг плыла синяя снежная мгла. Я огляделся и не увидел никого, ни Алисы, ни Егора. Егор снова заорал, уже что-то неразборчивое, булькающее. Я потер глаза и хлопнул по щеке, ничего не изменилось.

Егор закричал за спиной, я обернулся и только сейчас их увидел. Они дрались. Сцепились и возились в снегу, мне показалось, они что-то делили. Граната, вот оно что. Алиса боднула Егора в лоб. Конечно, на нем был шлем, и на Алисе тоже шлем, они стукнулись шлемами, но Егор обмяк, и Алиса вырвала из его рук черное, теперь и я увидел – граната.

– Дай мне, – сказал я.

Голос сел, так что я, наверное, не сказал, а прошептал.

Алиса тоже что-то сказала, только я не услышал, слух, наверное, тоже замерзает.

Она сдернула маску, и ветер тут же раскидал ее волосы. Она показала мне гранату, ухмыльнулась дико, дернула за кольцо.

Нет, это, определенно, снежное безумие. Достало, зацепило, теперь у нее в голове поют свои дикие песни сирены, обещают, зовут, насмеваются, велят взять гранату, обнять гранату, станцевать с ней быстрый зажигательный танец. А пальцы у нее замерзли, это видно, ногти почти фиолетового цвета, долго она такими пальцами гранату не удержит. Еще чуть, и разожмет.

Срыв. Она все-таки сорвалась...

Я шагнул, она отступила, я шагнул еще, а потом сразу прыгнул. Сбил Алису с ног, обхватил, и мы покатались по снегу. Пытался поймать ее руки, Алиса не давалась, хохотала, порывалась меня укусить, кричала что-то неразборчивое, определенно снежное безумие, потом я все-таки поймал ее за руки. Граната оказалась теплой.

– Отдай!

Алиса не уступала. Тогда я поступил просто – вывихнул ей мизинец, думал сломать, но нет, проявил человеколюбие. Алиса вскрикнула, я вывернул из ее пальцев гранату и отшвырнул в сторону, как можно дальше.

– Ложись! – крикнул я Егору.

Взрыв в снегу прозвучал глухо, игрушечно, нас засыпало твердыми ледяными комьями, и тут же мы ухнули вниз. Наст провалился, все вокруг провалилось в белую яму, точно разверзлась под нами круглая ледяная пасть.

Если бы не снег, мы бы разбились. Потому что падали мы долго, секунды полторы. Под нами оказалась многометровая перина, она смягчила удар, я его вообще почти не почувствовал, гораздо болезненнее оказался снег, обрушившийся сверху.

От встряски я начал думать скорее. Несколько секунд, именно столько у нас оставалось. Снег продолжал сыпаться, вот-вот он должен был сползти на нас лавиной – слишком много его скопилось на поверхности.

Стадион. Очень похоже. Я видел такое. Стадион со стеклянной крышей, чтобы можно на коньках и летом кататься, их много настроили. Крыши на снег не рассчитаны, просели, а тут как раз и граната. Провалились. Повезло. А может, и нет.

Я выдрался из сугроба и почти сразу наткнулся на Алису. Она лежала лицом вниз, рот был забит снегом, некогда разбираться, я схватил Алису за шиворот и поволок в сторону. Почти на ощупь. Наткнулся на столб, оставил ее под ним. Вернулся в снег. Темнота сгущалась. Сверху еще немного пробивался свет, но с пребывающим снегом его становилось все меньше. Егора не видно.

Я стал разгребать снег. Егора могло завалить глубоко, он мог уже задохнуться, слишком много, слишком много снега...

Звон.

Назойливый и веселый, не зря его Егор таскал, не зря, теперь в его коллекции будильников появится новый достойный образец – тот, что спас жизнь хозяина. Будильник звонил совсем рядом, я нырнул в снег, нащупал ногу Егора и принялся откапывать. Показалась вторая нога, я схватился за обе, потянул, вывернул Егора на воздух. То же самое. Захлебнулся.

Отволок его к Алисе.

Надо спешить. Карбидка не загоралась, вода в баллоне замерзла. Скоро стемнеет, нужен огонь...

Огляделся. Нужно что-то поджечь, срочно, хотя бы для света...

Справа темнели непонятные фигуры, сначала мне показалось, что люди, фигуры в человеческий рост, некоторые выше, я выхватил нож и шагнул к ним, не хватало на каких-нибудь стадионных упырей наткнуться. Но это были не призраки.

Елки. Повезло, провалились в подземный лес, где растут елки. Смолистые деревья, горят – лучше не придумаешь, я шагнул к ближайшей.

Ненастоящие. Пластмассовые. Сначала не поверил, что так может быть, зачем кому-то игрушечные елки... Но размышлять было некогда. Сорвал с пояса бутылку со спиртом, плеснул на деревцо. Чиркнул огнивом. Елка нехотя разгорелась. Я вернулся к Алисе и к Егору. Проверил пульс. Прослушивался у обоих, значит, только сознание потеряли, это хорошо. Ножик. Сунул в горящую хвою, досчитал до десяти. Наклонился над Егором, приложил кончик ножа ему к щеке.

Егор заорал, сел, схватился за лицо. Жив.

– Ты что делаешь?! – ословело спросил он.

Я хлопнул его по носу, по кончику, чтобы не сломать. Чтобы кровь потекла, чтобы больно стало, кровь согревает, боль будоражит мозг.

– Ты что? – тупо осведомился Егор. – Зачем дерешься?

Я поймал его за уши и как следует дернул.

Егор заорал. Все, значит, в порядке. Конечно, может, у него там внутри оторвалось что-нибудь, но это после.

Занялся Алисой. Тут ножом прижигать нельзя, не хотелось, поэтому я стал просто растирать уши. Потеряла сознание, переохладилась, может и не очнётся. Надо согреть.

Егор поднялся на ноги.

– Огонь разведи! – приказал я.

– Из чего?

– Из елок. Поищи, нужен костер с ровным жаром, лучше три штуки вокруг, ты знаешь.

Егор принялся рубить пластиковые елки. В жизни не видел ничего глупее – рубку пластиковых елок. Хотя похоже, что горят они неплохо, мне хотелось подумать – зачем их вообще используют, наверное, для красоты, наверное, ими топят праздничные печи, но времени на это не оставалось. Заняться Алисой. Кожаная куртка задеревенела, снималась с хрустом, ее бы молотком отстучать... Разрезал подмышками, содрал. Под курткой оказался полосатый свитер, не знаю, где Алиса его раздобыла, мне понравился, с высоким горлом, сразу видно, что теплый. Девчонки в одежде разбираются, этого не отнять. Одежды-то уже толком не осталось, а они в ней разбираются... Наверное, это природа.

Свитер сухой, снимать смысла нет, я подхватил Алису на руки, нечего на холодном полу валяться. Хорошо бы сейчас бумаги. Старый мир был богат бумагой, мы попали в часть старого мира, надо поискать вокруг.

– Егор! – позвал я.

Егор отстал от елок, повернулся.

– Сделай факел из елки, – приказал я.

Егор принялся вертеть факел.

Я продолжал держать Алису. Она была не очень тяжелая, но я в последнее время изрядно ослаб, не очень удачный выдался год, не очень удачная выдалась жизнь. Наверное, долго я ее не смогу удержать. Минут пять еще.

– Давай скорее! – попросил я.

Егор намотал факел, поджег, протянул мне. Я перекинул Алису на плечо, взял огонь.

– За мной.

– А костры? А елки?!

– Прихвати пару штук.

Я двинулся вперед, раздвигая темноту факелом.

Это оказался совсем не стадион. Не знаю, для чего это предназначалось, для общих собраний, скорее всего. Слишком много пространства. А предметов мало. А те, что есть, непонятно к чему предназначаются. Никакой бумаги. Скорее всего, тут уже побывали, все полезное давно вынесли, осталось барахло. Гитары. Швейные машины, я не знал, как именно они выглядят, но так было написано, и еще написано, что они хорошие, шьют в два стежка. Керамическая плитка. Ванны. Видимо, все-таки не общественный центр, магазин. Наверное, строительный, или что-то в этом роде. Тачки, насосы, лопаты. Здесь было полным-полно лопат, причем всяких – больших, маленьких, ломов, цепей – целый отдел посвящался цепям – зачем раньше столько цепей требовалось? Ничего из всего этого не подходило. Алису требовалось срочно согреть. Немедленно.

– Может, ее растереть? – спросил Егор.

Сзади грохнуло, в спину ударил холод. Снег, скопившийся вокруг дыры, провалился внутрь, вовремя убрались.

– Растереть! Спирт же еще остался...

– Поздно растирать. Ей сейчас нужна вода горячая.

– А если его выпить? – Егор потрогал горло. – От спирта ведь тоже тепло становится.

– Нельзя, сердце может не выдержать. Сюда. Ох ты...

Это был отдел холодильников. Они стояли рядами, как белые, хорошо почищенные зубы, я свернул к ним, холодильники – то, что надо. Алису положил на подвернувшийся стол, велел Егору караулить, чтобы не навернулась, и осторожно потирать ей уши.

– Зачем нам холодильники? – глупо спросил Егор. – И так холодно...

Я не ответил, выбрал самый большой, в полтора человеческих роста, широкий, похожий на корабль. Уронил. Холодильник грохнул. Я, напрягшись, перевернул его, открыл и принялся выдирать потроха – решетки, стекла, полки.

– Что ты делаешь? – Егор теребил Алисе уши. – Ты что, ее еще сильнее заморозить хочешь?

Холодильники не так просты, как всем кажется, этому меня еще Гомер научил. Однажды нам повезло, еще там, в Рыбинске, мы наткнулись на хранилище холодильников. Скорее кладбище. Множество, три старых ангара заполнены. Никто бы и внимания не обратил – ну, холодильники, и что? Но Гомер был человеком искушенным. И в ту зиму мы горя не знали – перетащили в нашу нору холодильники и спали в них. Оказалось, что вопреки названию в холодильниках очень даже тепло, они не только холод могут внутри удерживать, но и жар. Нагреваешь перед сном четыре, а лучше шесть бутылок с водой, укладываешь их в шкаф, залегаешь сам, закрываешь крышку – и спишь. Главное, не пережать дырки для воздуха. Тепло, сухо, тихо, одним словом, удобно. Мы бы и следующую зиму в этих гробах... то есть в холодильниках проспали, однако в них завелась плесень, а в самом хранилище потолок обвалился, все раздавило.

Я приблизился к Алисе. Нет, в себя не пришла, плохо.

– Может ее тоже? – кивнул Егор. – Ножичком прижжем? Не щеку, руку...

Я ущипнул Алису за мочку уха. Не ущипнул, скрутил, смял, сильно, стараясь не оторвать. Открыла глаза.

– Слышишь меня?! – спросил.

Алиса моргнула.

– Еще немного потерпи. Сейчас согреешься.

Мне тоже не мешало бы согреться, пальцы почти одеревенели, сунуть бы в огонь, ладно...

Я подхватил Алису, перенес ее к холодильнику, бережно сгрузил внутрь.

– Не думала, что он будет белым, – прошептала Алиса. – Рыбинск, ты теперь мой герой...

Я захлопнул крышку.

– Через каждые две минуты приоткрывай! – велел Егору. – А то задохнется. Понял?

– Да, конечно. А ты...

– Я за топливом.

Факел догорал. Я свернул другой, из ножки стула и длинной тряпки, свисающей с потолка. Холодильники новые. То есть тогда они были новые, а у всех новых вещей имелась упаковка, просто так люди ничего не хранили. Я не ошибся. В конце холодильного магазина оказалась дверь, за дверью склад. Тоже холодильники. И картон. Много толстого картона.

Через полчаса у нас была горячая вода. Целая кружка. Алиса выпила, улыбнулась и собралась уснуть, я велел Егору дергать Алису за нос каждый раз, как она будет закрывать глаза. Картона на складе оказалось много, горел он хорошо. Плавил снег, поили Алису, пили сами. Кроме картона имелась упаковочная бумага, мы забили ею весь Алисин холодильник, все пространство между Алисой и стенками. Для утепления.

Надо было согреть ее еще. Огляделся еще, повнимательнее. В углу поилка. Раньше поилки ценились, в каждом магазине стояла большая многолитровая бутылка, а под ней стаканчики и два крана, один для горячей, другой для холодной. Я оторвал бутылку.

В котелке оставалась вода, кипятки, литр четыре, я влил ее в бутылку, закрыл, встряхнул, чтобы тепло распространилось по стенкам. Сунул бутылку Алисе, велел обнять, она

послала меня в неизвестном направлении, но бутылку обняла. Продолжил греть воду. Егор бегал за снегом, я плавил его на быстром огне из картона, нагревал до кипения, вливал в пластиковую банку, возвращал Алисе.

Постепенно мы отогревались. Я сдвинул холодильники в круг, отломал дверцы, получился экран, плохо пропускавший тепло, я чувствовал, как размораживаются волосы, пальцы на ногах, руки, как исчезает пар изо рта. Егор бегал за снегом уже без рукавиц.

Оттаивала и Алиса. Я пробил в дверце холодильника дыру ножом, и теперь Алиса могла дышать и ругаться одновременно. Примерно так.

– Лучше бы я сдохла там. Нет, лучше бы вы там сдохли. Нет, не так, лучше бы вы все сдохли восемь лет назад. Лучше бы вы вообще никогда-никогда...

У меня к этому выработалась привычка, а Егор еще прислушивался, ему было еще интересно.

Я нагрел воды и занялся приготовлениями к ночевке. Спать, это первоочередная задача, мозг требовал отдыха, мышцы тоже. Я уронил еще два холодильника, выбрал попросторнее, один для себя, другой для Егора. Прodelал дырки в дверцах, набил бумагой внутренности. Егор свалился мгновенно, захлопнулся и тут же захрапел, громко и счастливо.

Я приготовил картона на утро. В холодильнике, конечно, тепло, но снаружи все выстудится... В холодильнике оказалось не только тепло, но еще и удобно, я даже смог вытянуть почти на всю длину ноги. Захлопнул дверцу. Попробовал дышать. Дышалось легко. Все, можно спать.

Тук-тук.

Справа в холодильнике лежала Алиса, я тоже постучал ей в ответ.

Глава 4

Слизни

Я открыл глаза. Темно. Тесно. Кругом бумага. Некоторое время я не мог понять – где я, если совсем честно, то думал, что в гробу. И что самое удивительное – не хотелось мне из этого гроба выбираться, совсем то есть. Хотелось лежать, переворачиваться сбоку на бок, сквозь тепло и тишину видеть сны и не просыпаться. Здорово бы – уснуть в холодильнике, засохнуть или замерзнуть, чтобы потом разморозили, в новом мире, вот счастье.

Попробовал поспать еще, и получилось, ненадолго, успел увидеть всего один лишь сон, про воду. Наверное, про потоп. Вода была везде. Капала с потолка, собиралась в струйки на стенах, прибывала непонятно откуда снизу, вливалась сквозь открытые окна, и я совсем не знал, что делать, стоял и смотрел, как она поднимается.

Когда поднялась до колен, я проснулся во второй раз. Некоторое время думал, что меня действительно затапливает, ногами пошевелил, стараясь понять, пальцы растопырил. Сухо. Но просыпаться пора, остальные уже проснулись – в вентиляционной дырке плясали световые отблески и слышались голоса, Алиса и Егор о чем-то негромко разговаривали, я не разобрал. Меня не будили, а сам я не спешил. Иногда свет перекрывался, и я видел бледное ухо – то ли Егор, то ли Алиса проверяли – не задохнулся ли их предводитель. Чувствовал острую потребность в это ухо дунуть, но спросонья не хотелось слышать ругань и вникать в суету.

Я лежал еще немного, наслаждаясь последними минутами покоя, откинул крышку, сел.

– А вот и спаситель мира, – сказала Алиса обычным голосом. – Восстал из склепа поутру, ах, мама, я сейчас умру.

– И ты будь здорова, – ответил я и поднялся.

Посреди белого царства холодильников горел костер, над ним поворачивался и парил котелок, у огня на пластиковых креслах сидели мои друзья, Алиса и Егор.

Егор угрюмо смотрел в пламя, поворачивал горящую бумагу.

– Она тебя обижала? – спросил я.

Егор помотал головой.

– Надо мне его обижать, – хмыкнула Алиса. – Мне и без него дышать не весело, а тут его еще обижай, старайся. Прыщельга в холодильник напрудил. Застудился, наверное.

И хотя Алиса сказала это совсем не обидно, Егор отвернулся. Стесняется. Не оправдывается, а мог бы вполне сказать, что просто вспотел.

– Я сам едва не обделался, – сказал я. – Это от холода. Почки, наверное, приморозили.

– У меня спина болит, – пожаловался Егор.

Алиса сочувственно помотала головой.

– Пройдет, – успокоил я Егора. – Я сто раз обморазивался, и ничего, жив.

– Горло еще болит... – Егор потрогал шею.

– Нечего было снег жрать! – вставила Алиса.

– Пить хотелось...

Я подсел к костру, протянул руки к огню. Хорошо тут, в белом круге холодильников, тепло, по-домашнему. Как только выбраться.

– Странно, что крыша не провалилась, – сказала Алиса. – Не вся то есть провалилась. Обычно от меньшего снега крыши гнутся... Не трещит даже.

– Просто мы под землей, – хрипло сказал Егор.

Скорее всего, так оно и есть. Поверхность была слишком занята, магазины размещали под землей. И рядом со станциями метро, чтобы людям удобно добираться. Надо искать.

– Я видел такое, – Егор указал вверх. – Под землей магазины, а в центре купол стеклянный. Наверное, он и провалился.

– Надо искать выход, – сказала Алиса. – В гробах, конечно, тепло, ничего не скажешь. Но как-то... Сдохнешь в этом ящике, через сто лет откапают, подумают, что дура... Не хочется.

– Через сто лет мне будет все равно, – Егор потер горло.

– Тебе все равно, а мне нет. Я не хочу уснуть в холодильнике, я хочу в склепе.

– В чем? – не понял Егор.

– В склепе. Это такая каменная могила с дверью.

– Зачем в могиле дверь? – продолжал не понимать Егор.

– Затем, чтобы гулять выходить. И чтобы колокол, я читала, раньше любили хоронить с колоколом. Если ты вдруг оживешь, так сразу в колокол звонить начинай, чтобы живым веселее шагало. Рыбинск, а ты как хочешь, чтобы тебя похоронили?

Спросила Алиса.

Никогда над этим вопросом не задумывался особо. Какая разница, как тебя похоронят? Тебе-то все равно уже.

– Как? – продолжала приставать Алиса.

Я не ответил. Алиса отоспалась, отогрелась и пришла в ехидное состояние души.

– Я знаю! Я сейчас расскажу!

В хорошем настроении Алиса, это хорошо. В хорошем настроении люди легче переносят приближение смерти.

– Во-первых, ты хочешь героической смерти. На тебя кинутся сонмы зубастых чудищ, и ты падешь смертью храбрых, сраженный ядовитым когтем... Нет, от тебя вообще останется только нога!

Алиса хихикнула.

– Мужественная нога героя! С нее сделают слепок, отольют из золота и сделают предметом поклонения. Влюбленные пары станут натирать твой большой палец для того, чтобы у них рождалось здоровое потомство. Матери станут приносить детей к твоей золотой ноге – для избавления от запоров и кожных клещей...

Я подсунул баллон с водой поближе к огню. Пока вода разогревалась, пил кипяток. Хорошо среди зимы и беспробудного холода попить кипяточку. Послушать Алису тоже неплохо, смешно сплетает, интересно. фантазия есть. Все-таки в нас много сохранилось от того, прежнего человечества. Кто-то умеет фигурки вырезать, кто-то сказки рассказывает, оружие умеют чинить, доктора разные.

– ...А настоящую его ногу тоже не выкинут, – продолжала рассказывать Алиса. – Ее засушат в особом жарочном шкафу, а потом разоймут на мелкие кусочки и в каждом достойном доме станут хранить засушенные частицы. А у кого будет палец...

Алиса закатила глаза.

– А если у кого сохранится палец... Кстати, вы пальцы отрезанные выкинули?

– Да, – сказал Егор. – Я как-то не подумал...

– Это ничего. Это как раз для тебя нормально, твой старший друг...

Алиса кивнула на меня.

– Твой старший друг тоже всегда так делал. Не думал. Сначала стреляешь, а потом уж смотришь – вот главный принцип. Слышь, Дэв, у тебя еще ничего не отсохло? Не отмерзло? А то загодя надо запастись частями тела героя, потом нарасхват будет...

Я едва не рассмеялся – гладко Алиса сочиняла, просто поразительно. Ей бы в эти журналы сочинять, где красавицы убивают чудовищ, там как раз все такое, вранье и смешное еще в придачу. А что? При нормальной-то жизни... Кто знает, кем бы мы стали. Нет, я, конечно, был бы водопроводчиком, Алиса бы сочиняла истории. Егор... Егор. Не знаю, чем он бы занимался. В зоопарк бы устроился, слоноводом, или слонистом, как там правильнее.

– Ничего смешного, – тут же сказала Алиса, уставилась на меня. – Ничего смешного во всей этой ситуации нет. Кроме того, что твой воспитанник Прыщельга не думает, так он еще и мочится по ночам. Знаешь, чем нам это грозит?

Я не мог понять, чем нам может грозить недержание Егора, но Алиса тут же пояснила:

– Вши. У зассатиков всегда заводятся вши. Еще пару раз... И все. Это закон. А потом эти вши на нас переползут, размножатся и начнут целыми стадами туда-сюда бегать... Это омерзительно.

– У меня нет вшей, – сказал Егор почти шепотом.

– В каждом человеке сидят вши, – авторитетно заявила Алиса. – В коже находятся яйца, и если не мыться или слишком часто мочиться во сне, то из яиц вылупляются вши.

– Не переживай, сейчас зима, – успокоил я Алису. – К тому же ко вшам быстро привыкаешь.

– Я не намерена привыкать ко вшам, я не в Рыбинске выросла...

Алиса пустилась рассказывать про свое детство, которое прошло не в Рыбинске, а во вполне себе приличном месте, где вши являлись исключением, а не обыденностью существования, я решил немного прогуляться.

Взял двустволку с последними патронами, зажег лампу.

– Я с тобой, – тут же сказал Егор.

– Идите-идите, – Алиса помахала рукой в воздухе. – Я пока тут проветрю все, я не собираюсь по этим подземельям рыскать, я не крыса, я человек...

На плечо Алисы всползла Чапа. Она опять не очень похудела, такая же упитанная и веселая, глазки блестят. Крысы вообще могут чем хочешь питаться, хоть камнями.

Алиса подкинула картона в огонь.

Я сдвинул холодильник, и мы выбрались из теплового круга.

– Закройте дверь, вшиги!

Задвинули холодильник обратно, пошлепали по коридору, не спеша, осторожно, кто его знает, что тут завелось... Обычно подземелья изобилуют поганью во всех ее проявлениях, а патронов мало.

Для начала вернулись туда, где мы провалились.

Центральный зал был завален снегом, вернее сказать, зала совсем не оказалось, просто снег, спрессованный, плотный, почти уже окаменевший. Вокруг тянулся широкий коридор, в который выходили двери магазинов, мы начали осмотр.

Строительный магазин. Большинство полезных вещей уже успели растащить, но выбор в магазине оказался настолько велик, что растащить все совершенно не получилось. Запаслись несколькими полезными штуками. Топориками с пластиковыми красными рукоятками, удобные, не очень привычные к руке, ну да ладно. Лопатками, я прихватил три штуки, разбирающиеся, очень удобные, занимают мало места, но раскладываются в одно движение.

Каски вот.

Я сохранил шлем, Алиса и Егор потеряли свои в снегу. Отыскать настоящий боевой шлем в наши дни почти невозможно. Оружия вот полно, его слишком много завезли в город в последние дни, а шлем... Редкая вещь. А без него никуда, голова у человека самое слабое место. Алисе я выбрал оранжевую пластиковую каску, Егору белую, чтобы различать их.

Строительные пояса. Я не знал, зачем они могли нам понадобиться, но пояса мне понравились. Широкие, кожаные, крепкие, со множеством петель и карабинов.

Искали спички, искали керосин, растворитель, бесполезно, эти припасы употребили задолго до нас. Сохранилось несколько баллончиков с полиролью, выдохшиеся, само собой, никаких других горючих жидкостей.

В самом дальнем конце нашли действительно полезное. Утеплитель для стен в пухлых рулонах. Не знаю, почему это не успели стянуть, возможно, воры наведывались сюда летом,

утеплитель сохранился. Вырезали три длинных в два роста куска. Скрепили степплером по краям. Спальные мешки готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.